

Революціонное общество

по личнымъ воспоминаніямъ*

В. А. Ауэрбаха

ЧАСТЬ II

Въ большевицкой Россіи

Глава I

ВЪ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ, УПРАВЛЯЕМОМЪ
КОММУНИСТАМИ

Ружейные выстрѣлы, пулеметная трескотня и буханіе орудій еще слышались въ нѣкоторыхъ районахъ Петрограда, пока не было «ликвидировано» сопротивленіе юнкеровъ Владимірскаго и Константиновскаго военныхъ училищъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалось нѣкоторое волненіе въ связи съ наступленіемъ войскъ генерала Краснова, но въ общемъ послѣ 25 октября наступила какая-то тишина. Для круга лицъ, близкихъ къ Временному Правительству, къ которому принадлежалъ и я, стало тише уже потому, что утратилась освѣдомленность: ставъ рядовыми обывателями, мы узнавали о событіяхъ *post factum* изъ газетъ, а о намѣреніяхъ побѣдителей ничего не знали. Впослѣдствіи нѣкоторыя организаціи учредили особую інформаціонную службу и вслѣдствіе этого черезъ нѣкоторое время освѣдомленность была въ нѣкоторой мѣрѣ восстановлена, но сперва мы питались исключительно газетами, слухами, толками и случайными свѣдѣніями. Но кажется, что и для населенія въ цѣломъ стало тише: послѣ періодически повторяющихся каждые два мѣсяца разрядовъ всегда становилось тише, а на этотъ разъ въ особенности. Часть населенія праздновала побѣду, другая — полагала, что всякая развязка лучше затяжного кризиса, третья —, отупѣвъ отъ безпокойнаго житья въ «свободной Россіи», впала въ равнодушное безразличіе. «Буржуазія» отказывала большевикамъ въ признаніи ихъ въ качествѣ носителей государственной власти и по возможности не исполняла ихъ распоряженій. Таково-же было поведеніе и части «революціонной демократіи». Та многочисленная часть «буржуазіи», что высмѣивала опубликованный за нѣсколько дней до переворота списокъ большевицкихъ министровъ, иронически отнеслась и къ побѣдѣ коммунистовъ, положительно отказываясь вѣрить въ продолжительность

* Продолженіе. См. Арх. Рус. Рев. т. XIV.

ихъ господства. Одни полагались на вѣрность Временному Правительству части войска — отчаянному сопротивленію юнкеровъ не придавалось практическаго значенія, но на натискъ арміи генерала Краснова и вообще на реакцію нѣкоторыхъ фронтовыхъ частей возлагались надежды и тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ явственнѣе обнаруживалась неспособность облѣнившагося и распустившагося столичнаго гарнизона и неподготовленность рабочей красной гвардіи, — другіе считали, что неопытные въ государственномъ управленіи большевицкіе вожди, не могущіе къ тому-же полагаться на службу за совѣсть арміи чиновниковъ, быстро запутавшись въ дѣлахъ и въ особенности по снабженію населенія продовольствіемъ и другими предметами первой необходимости, будутъ вскорѣ-же смѣщены населеніемъ, третьи предсказывали быстрое паденіе экстремистовъ, исходя изъ историческихъ примѣровъ и не останавливаясь даже на причинахъ, которыя могли-бы сбросить гастролеровъ власти — я помню, какъ мой большой пріятель, умный, разносторонне образованный и дѣльный человѣкъ, стоявшій во главѣ одного изъ крупнѣйшихъ военныхъ управленій, генералъ и профессоръ, меня пытался убѣдить, ссылаясь на парижскую коммуну, что больше 42 дней большевики еще не продержатся, и я записываю это воспоминаніе, считая характернымъ то созерцательное и академическое отношеніе къ событіямъ, что нерѣдко проявлялось со стороны представителей «буржуазіи».

Надежда на немедленное отвоеваніе Петрограда исчезла вскорѣ по ликвидаціи красновскаго наступленія и, какъ извѣстно, дальнѣйшія операціи завоевательнаго характера были перенесены на периферію страны, но попытки организаціи военныхъ выступленій возникали и въ центрѣ Россіи, и даже въ самомъ Петроградѣ.

Въ столицѣ надежды возлагались больше всего на Петровскую бригаду (Преображенскій и Семеновскій полки) и на Гвардейскій Флотскій экипажъ, среди солдатъ которыхъ велась пропаганда. Члены конспиративнаго кружка появлялись въ казармахъ, устраивая солдатскіе митинги, но, будучи широко извѣстными лицами, прибѣгали къ гриму и назывались вымышленными именами. Они-же распространяли среди солдатъ печатныя брошюры, освѣщавшія разныя соціальныя и политическіе вопросы въ удобопонятной формѣ. Я также приложилъ свою руку къ составленію этихъ брошюрокъ, познакомившись съ однимъ изъ виднѣйшихъ партизанъ.

«Прошу къ аппарату инженера Ауэрбаха» — именованіе меня инженеромъ было необыкновеннымъ, а слово «аппаратъ» вмѣсто «телефонъ» прямо-таки меня перенесло въ какой-то другой міръ (къ концу японской войны я былъ на Дальнемъ Востоцкѣ, и тогда тамъ тоже называли телеграфъ и телефонъ — аппаратами) — «Я — Ауэрбахъ. Кто говоритъ?» — «Членъ комитета Новороссійскаго Общества (Юзовка) инженеръ Ф.; у Васъ вчера было засѣданіе Совѣта Союза металлургическихъ заводовъ, на которое я почему-то не получилъ приглашенія; прошу мнѣ сообщить причины и дать по канцеляріи соотвѣтственныя распоряженія!» — Вѣроятно поспѣшный и начальнический тонъ бывшаго (всего нѣсколько дней назадъ) Верховнаго Комиссара Арміи Максимиліана Максимиліановича Филоненко на этомъ не прервался-бы, если-бы вмѣсто отвѣта я ему не заявилъ, что прошу его пріѣхать ко мнѣ въ Союзъ для объясненій, что онъ и сдѣлалъ немедленно. Мнѣ было еще не извѣстно новое положеніе Филоненко и даже непонятно, какимъ образомъ Верховный Комиссаръ Арміи могъ оказаться представителемъ Металлургическихъ Заводовъ, желѣзныхъ и камен. угол. рудниковъ Новороссійскаго Общества въ нашемъ союзѣ, но Филоненко мнѣ представилъ необходимыя объясненія; все разрѣшилось къ наилучшему, и въ послѣднихъ засѣданіяхъ за большимъ овальнымъ столомъ въ нарядномъ залѣ среди большей части сѣдовласыхъ членовъ Совѣта находился и юный, вновь явленный «промышленникъ». Обыкновенно скучавшій на засѣданіяхъ, онъ очень оживлялся,

когда рѣчь заходила о мѣрахъ военной охраны заводовъ и рудниковъ: едва заговорили о продвиженіи въ Донецкій бассейнъ кавалерійскаго корпуса ген. Бискупскаго, какъ его нервное лицо загорѣлось пламенемъ восторга и изъ его устъ посыпались соображенія о дислокаціи войскъ, о мѣрахъ къ изоляціи солдатъ отъ рабочихъ вліяній, о преимуществахъ концентраціи болѣе крупныхъ отрядовъ всего въ нѣсколькихъ пунктахъ по сравненію съ распыленіемъ по всей территоріи бассейна и др., и вообще въ такихъ случаяхъ Ф. бойко говорилъ, напоминая ученика, вытаскиваемаго на экзаменѣ хорошій билетъ.

Впослѣдствіи я довольно хорошо сошелся съ Ф. и скажу, что меня кое что въ немъ очень подкупало и рѣшительно къ нему располагало.

Небольшого роста, худощавый человекъ казался состоящимъ изъ однихъ костей, мускуловъ и, главное, нервовъ, при чемъ скорыя и рѣшительныя движенія его лица говорили о несомнѣнно пылкомъ порывистомъ темпераментѣ, которымъ повидимому онъ обязанъ примѣси еврейской крови. Я помню, какъ много позже въ Парижѣ онъ ко мнѣ приходилъ: когда послѣ сильныхъ и быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ ударовъ въ дверь я, сидя къ ней спиной, едва успѣвалъ повернуть голову, Ф. уже былъ посреди комнаты. Онъ появлялся всегда молодцевато, съ отмѣнной бодростью, изяществомъ костюма и особенно позъ и манеръ. Во время бесѣды онъ иногда угасалъ, но съ тѣмъ, чтобы опять вспыхнуть и огнемъ загорѣться, какъ только представлялся къ тому поводъ. Онъ всегда наблюдалъ за собой, нерѣдко пользуясь находящимся въ комнатѣ зеркаломъ. Вѣроятно, онъ, какъ актеръ, тщательно изучалъ свою внѣшность, позы и манеры, въ уединеніи репетируя передъ зеркаломъ, и во всякомъ случаѣ каждое его движеніе говорило о рисовкѣ и самолюбованіи. Любовь его къ себѣ, могущая приводить Ф. къ героическимъ актамъ, — цѣнное свойство его природы, но ею не ограничиваются яркія черты его характера: я особенно отмѣтилъ-бы его романтизмъ, который проявлялся не только въ интимной жизни, но нисколько не меньше въ политической дѣятельности — онъ положительно поэтъ революціоннаго дѣйства.

Если для иного поэта восцѣвляемая героиня бываетъ лишь предлогомъ для романтическихъ переживаній, одной изъ составныхъ частей той среды, что вызываетъ въ его душѣ сладкія эмоціи, то революція или въ равной мѣрѣ контръ-революція была для Ф. лишь условіемъ, поэтической обстановкою, въ которой могъ пылко расцвѣтать его политическій романтизмъ. Героизмъ, жизнь среди опасностей, игра со смертью, подвигъ, охмѣляющія и зажигательныя рѣчи, таинственность и конспирація, опьяняющій успѣхъ или провалъ, бѣшеная гонка на автомобилѣ или сумасшедшій перелетъ на аэропланѣ, безумная вылазка въ непріятельскій лагерь съ переодѣваніями, гримомъ, безстрашная авантюра — все это было не средствомъ достиженія тѣхъ или иныхъ политическихъ результатовъ, а почти самоцѣлью. Конечно, людямъ такого рода не должно занимать руководящихъ положеній, но ихъ сотрудничество съ людьми, обладающими твердой и цѣльной системой, можетъ быть очень и очень цѣннымъ.

Ф. несомнѣнно прекрасный ораторъ, онъ быстро ориентуруется въ вопросѣ и въ обстановкѣ, находчивъ, остроуменъ, очень ясно формулируетъ мысли и говоритъ убѣжденно и увлекательно. Должно отмѣтить его способность приводить сложнѣйшій вопросъ къ элементарнымъ формуламъ, вродѣ какъ дважды два—четыре. Отрывокъ его бесѣды съ генераломъ Корниловымъ* во время наступленія на Пе-

* Привожу со словъ Ф., не ручаясь за точность, но въ правильности передачи общаго смысла увѣренъ.

троградъ можетъ служить иллюстраціей: «Въ настоящее время въ Россіи имѣются три силы», говорилъ Ф. генералу — «Временное Правительство, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и Верховное Командованіе. Союзъ двухъ силъ изъ трехъ побѣждаетъ третью. Вы не можете идти съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ противъ Временнаго Правительства, а потому Вамъ нужно идти съ нимъ противъ Совѣта, а если противъ Васъ будутъ и Правительство, и Совѣтъ, то Вы погибнете». Передавая это мнѣ, Ф. добавилъ: «къ сожалѣнію, генераль не повѣрилъ мнѣ, что два больше одного». Разумѣется, соображеніями, приводимыми къ примитиву, нельзя было убѣдить Корнилова, но ораторъ можетъ въ подходящемъ случаѣ ими увлечь многочисленную толпу. Какъ извѣстно, Ф., не пожелавъ остаться съ обреченнымъ имъ на гибель генераломъ, въ дальнѣйшемъ связалъ свою судьбу съ Керенскимъ, занявши враждебную Корнилову позицію, что впоследствии стоило Ф. немало непріятностей. Когда лѣтомъ 1919 года я изъ Парижа рѣшилъ ѣхать обратно въ Россію, то сталъ уговаривать Ф. тоже отправиться работать въ Добр. Армію, имѣя въ виду его несомнѣныя дарованія, которыя онъ могъ-бы приложить къ пропагандѣ и развѣдкѣ; при одной мысли о живой работѣ послѣ Парижской бездѣятельности огонь загорался въ глазахъ Ф., вскорѣ однако потухавшій: что-то его озабочивало. Узнавъ, что Ф. имѣетъ основаніе опасаться ареста при высадкѣ на берегъ въ виду отрицательнаго отношенія, проявленнаго имъ въ свое время къ Корнилову, а вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что Ф. будетъ на совѣсть работать въ пользу Добр. Арміи, я предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ, беря на себя заботу объ обеспеченіи ему свободы: Ф. согласился, и мы записались въ очередь на корабль, отходящій изъ Марселя въ Новороссійскъ. Однако, передъ отъѣздомъ Ф. перемѣнилъ намѣренія, получивъ телеграмму изъ Екатеринодара отъ своего брата, бывшаго въ то время Начальникомъ Эксплоатаціоннаго отдѣла Управленія путей сообщенія и впоследствии умершаго отъ сыпного тифа во время эвакуаціи Ростова, что пріѣздъ его въ Добр. Армію не безопасенъ. Смѣлый, даже безстрашный человекъ въ моменты героическаго воодушевленія при романтической обстановкѣ, оказался болѣе чѣмъ осторожнымъ, когда въ отсутствіи пафоса представилась опасность лишенія свободы, быть можетъ, даже только на короткое время.

Послѣ отступленія, сдѣланнаго для нѣкотораго охарактеризованія этой личности, типичной для эпохи Керенскаго, вернемся къ причинамъ, отъ которыхъ вслѣдъ за октябрьскимъ переворотомъ ожидали избавленія отъ большевицкаго правленія и нѣкоторые даже — крутой реакціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ легкой побѣды, дальнѣйшій путь показался большевицкимъ вождямъ гораздо труднѣе и сложнѣе: нужно было реализовать обѣщанія — свобода, земля, хлѣбъ и немедленное окончаніе войны, но прежде всего нужно было закрѣпить власть и подчинить себѣ правительственный аппаратъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между управляющими и управляемыми вмѣсто промежуточнаго слоя оказалась пустота: какъ извѣстно, чиновники центральныхъ учреждений, въ своемъ большинствѣ или по крайней мѣрѣ въ своей лучшей части, отказались служить большевикамъ (нѣкоторые прекратили работу, а другіе ее продолжали, игнорируя однако большевицкихъ комиссаровъ и въ томъ числѣ товарищи министровъ — Н. Н. Савинъ, М. В. Бернадкій и др.), что имѣло не демонстративный характеръ, а исходило изъ глубокаго сознанія несовмѣстимости такого служенія съ элементарными требованіями національной совѣсти, а порою и изъ увѣренности въ недолговременности большевицкаго господства. Многихъ изъ чиновниковъ морально и матеріально поддержала помощь, оказанная банковскими и промышленными общественными организаціями. Хотя эта помощь достигала нѣсколькихъ милліоновъ

(точной цифры нынѣ не помню), но разумѣется на долго хватить ея не могло. Любопытно при этомъ, что объ этой помощи было хорошо извѣстно совѣтскому правительству, и повидимому даже въ его руки попалъ списокъ отпущенныхъ организаціями суммъ, но особыхъ послѣдствій, кромѣ временнаго ареста нѣкоторыхъ посредниковъ изъ числа чиновниковъ по распределенію пособій, это не имѣло: вѣроятно большевики чувствовали себя не очень увѣренно, а ихъ вниманіе было, главнымъ образомъ, направлено на укрѣпленіе своей власти надъ войсками и на защиту себя отъ атакъ военнаго характера.

Вообще можно сказать, что въ первое время послѣ переворота большевики вели себя вяло и дѣйствія ихъ отличались большой осторожностью и нерѣшительностью. Въ общихъ чертахъ порядки оставались тѣми-же, какъ и при Временномъ Правительствѣ, и казалось, что произошелъ не переворотъ, а смѣна кабинета.

Вернувшись въ концѣ августа изъ Крыма, я ѣздилъ въ Харьковъ въ концѣ сентября и потомъ — уже при большевикахъ въ срединѣ ноября: никакихъ видимыхъ перемѣнъ на желѣзныхъ дорогахъ не наблюдалось, я ѣхалъ въ казенномъ спальномъ вагонѣ 1 класса, проводникъ не пускалъ въ вагонъ никого, кромѣ билетныхъ пассажировъ, одновременно со мной ѣхало два знакомыхъ юнкера, не подвергаясь никакимъ непріятностямъ въ пути.

Въ жизни промышленности еще при Временномъ Правительствѣ развился такой беспорядокъ, что уже нельзя было замѣтить послѣ октябрьскаго переворота рѣзкаго перелома, а многочисленные относящіеся къ рабочимъ декреты въ сущности санкціонировали установившійся кавардакъ, и только отъ статистики не ускользаетъ вліяніе событій: такъ выплавка чугуна на южно-русскихъ заводахъ, въ сентябрѣ 1917 года еще достигавшая 11,1 мил. пудовъ, падаетъ въ октябрѣ до 9,6, ноябрѣ 6,7 и въ декабрѣ до 5,3 мил. пудовъ.

Дѣятельность союзовъ послѣ большевицкаго переворота не только не ослабѣваетъ, а напротивъ пріобрѣтаетъ особенно оживленный характеръ: владѣніе и управленіе промышленностью остается въ тѣхъ-же рукахъ, но предоставленные сами себѣ промышленники проявляютъ особенную склонность къ сплоченію и солидаризаціи дѣйствій. То-же въ частности проявилось и на XLII съѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, бывшемъ въ концѣ ноября и въ началѣ декабря: до тѣхъ поръ выборы въ Совѣтъ Съѣзда производились не по принципу представительства интересовъ, а на основаніи личныхъ симпатій къ тѣмъ или другимъ лицамъ, что понижало авторитетность Совѣта, вызывая постоянныя нареканія; всѣ понимали это, но сговориться никакъ не могли; между тѣмъ подъ вліяніемъ переживаемыхъ потрясеній выборы протекли по напередъ составленной схемѣ съ проведеніемъ въ Совѣтъ лицъ по заранѣе составленному списку; пропорціональность интересовъ позволила отодвинуть на второй планъ тяжеловѣсный Совѣтъ (72 члена), передавъ значительную часть функцій подвижному и дѣятельному комитету (6 членовъ и 6 замѣстителей), составленному изъ предсѣдателя и изъ пяти членовъ, представителей пяти промышленныхъ союзовъ: Углесоюзъ, Горносоюзъ, Антрацитосоюзъ, Со-металлъ и Рудосоюзъ.

Любопытно, что публичность засѣданій Съѣзда нисколько не мѣшала проявленіямъ жестокой критики «революціонной демократіи» и совѣтскаго правительства, обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ избирательной кампаніей (въ Учредительное Собраніе) и съ поддержкою контръ-революціонной прессы и пр. (послѣдній вопросъ обсуждался при закрытыхъ дверяхъ, черезъ которыя все-же проникали посторонніе).

Во время моего пребыванія въ Харьковѣ мнѣ пришлось повстрѣчаться съ Канадской Военной Миссіей, пріѣхавшей за желѣзнодорожными матеріалами, нуж-

ными для задуманной ими постройки сѣти переносныхъ узко-колейныхъ желѣзныхъ дорогъ, долженствующихъ обслуживать фронтъ наряду съ разваливающейся желѣзно-дорожной сѣтью русскаго нормального типа. Можетъ показаться страннымъ, но эти господа не теряли надежды на восстановление боеспособности арміи; даже, напротивъ, они считали, что разъ на мѣсто прогнившей деспотической царской власти встала власть народная, разъ на смѣну старцамъ-генераламъ явились молодые и талантливые вожди, то тѣмъ болѣе должно рассчитывать на успѣхъ и окончательную побѣду: «мы американцы» — пояснили они — «цѣнимъ не старость, стажъ и происхожденіе, а волю, энергію и природныя дарованія; по нашему убѣжденію нѣтъ въ Россіи большаго человѣка, какъ Мураловъ (большевицкій главнокомандующій московскимъ военнымъ округомъ), а имѣя такого военначальника, Вы можете быть спокойны за судьбы Россіи». Разумѣется, изъ проектовъ и суетъ Канадской Военной Миссіи ничего не вышло.

Этими спасителями Россіи, однако, дѣло не ограничилось. При мнѣ въ Харьковѣ пріѣзжали, также для спасенія Россіи, Украинскіе Министры: Ещенко — Министръ Путей Сообщенія и профессоръ Ганицкій — Товарищъ Министра Торговли и Промышленности. Въ кабинетѣ предсѣдателя Порайоннаго Комитета, помѣщавшагося въ зданіи Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ, они созвали совѣщаніе изъ начальствующихъ на желѣзныхъ дорогахъ Харьковскаго узла лицъ (я присутствовалъ съ любезнаго разрѣшенія Предсѣдателя Комитета А. В. Лукашевича изъ любопытства), которымъ развили свой планъ дѣйствій. Собственно, планъ развивалъ молодой, стройный, экспансивный и склонный къ героическимъ позамъ Ещенко, а перевалившій за сорокъ, отяжелѣвшій, небольшого роста, мохнатый съ черной бородой, покрывающей почти все лицо, и горбатымъ носомъ, хитрый хохоль Ганицкій предпочиталъ чаще помалкивать. Планъ ихъ заключался въ прекращеніи хлѣбныхъ перевозокъ на сѣверъ, что, по ихъ мнѣнію, должно было вызвать въ Петроградѣ и Москвѣ возстанія противъ совѣтской власти. Потрясенные этимъ планомъ, путейскіе инженеры попробовали возражать, а одинъ старый инженеръ при мысли о голодѣ, связанномъ съ этими планомъ, въ родномъ для него Петроградѣ, разрыдавшись, вышелъ изъ комнаты. Ещенко упрекалъ инженеровъ въ «слюняйствѣ» въ то время, какъ Правительство готово «отвѣчать головой». Инженеры не сдавались, порою оказывая даже отчаянное сопротивленіе, но потерявшій терпѣніе Ещенко сказалъ, что такова воля «Правительства», и онъ требуетъ исполненія его распоряженій. Я хотѣлъ-бы еще отмѣтить, что Министры говорили о «южной» и «Сѣверной Россіи», а не «Украинѣ» и «Великороссіи», и притомъ не только Ещенко, но и Ганицкій говорили только по русски, тогда какъ послѣ подписанія мирнаго договора съ нѣмцами «хитрый хохоль» заговорилъ на «украинской мовѣ».

Итакъ, министры приказали и уѣхали, но слѣда отъ ихъ пріѣзда не осталось: въ Харьковѣ рѣшительно не признавали власти Украинскаго Правительства.

Пробывъ недѣли двѣ—три въ Харьковѣ, я поѣхалъ обратно въ Петроградъ. Условія путешествія по русскійскимъ желѣзнымъ дорогамъ были уже значительно хуже: къ этому времени нѣкогда беззавѣтно храбрыя войска уже настолько успѣли проникнуться большевицкимъ лозунгомъ о немедленномъ окончаніи войны, что, рѣшительно не пожелавъ «сражаться для капиталистовъ», цѣлыми потоками понеслись къ роднымъ очагамъ, другіе, тоже въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ мѣшками за спиной, устремились въ большіе города и, особенно, въ столицы сбывать по высокимъ цѣнамъ предметы продовольствія, проповѣдуя по пути высокіе принципы «коммунизма» и вовсе не подозревая о крылатомъ словечкѣ «демократизація спекуляціи», которымъ буржуазія назвала пріобщеніе широкихъ массъ населенія къ торговлѣ самаго дурного тона.

Вмѣстѣ со служащимъ въ нашемъ союзѣ инженеромъ К. мы съ трудомъ втиснулись въ купэ II класса и уже не выходили изъ него въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ, пока не пріѣхали въ Москву. Въ нашемъ купэ рассчитанномъ на 4 пассажира, помѣщалось 22, изъ коихъ двѣ женщины и трое ребятъ; сидѣли всюду: на нижнихъ и на поднятыхъ верхнихъ полкахъ, на столикѣ, на полу. Въ коридорѣ было сплошное море тѣлъ. Выйти на станцію черезъ коридоръ было не возможно, а окно въ нашемъ купэ было завинчено; «товарищи» выломали изящную ясеневую рамку, окружавшую окно, но дѣло не подвинулось, ковыряли штыками шурупы, но тоже безуспѣшно; одни рѣшили было разбить зеркальное стекло, но другіе объяснили, что «будетъ дюже холодно». Черезъ сутки дѣти стали сильно страдать отъ жажды, почему передали въ коридоръ чайникъ, которымъ одинъ изъ «товарищей-солдатъ» ухитрился при помощи веревки черезъ окно въ противоположной части коридора (единственное открывавшееся) зачерпнуть снѣгу. Но, какъ мало воды получается изъ снѣгу! Мы съ моимъ спутникомъ рѣшили отказаться и отъ снѣга, дабы не имѣть надобности въ уборной, куда пройти невозможно. Нашему примѣру послѣдовали и прочіе путешественники нашего купэ, кромѣ одной старой женщины и молодого солдата. Послѣ долгихъ страданій женщина не выдержала и бросилась въ коридоръ, но «потерпи тетенька!» отвѣчала ей груда тѣлъ; я взялся ее проводить, посыпалась бессовѣстная ругань (свобода слова!), но, не обращая на нее вниманіе, я то одному, то другому приказывалъ — «а ну-ка пособи тетенькѣ, подвинься маленько, чего разлегся, а вы вдвоемъ передайте женщину на рукахъ» и т. д. и наконецъ «тетеньку» доставили въ уборную, а за нею я шелъ, наступая на ноги, руки, а можетъ быть и животы лежавшихъ и скрюченно сидѣвшихъ на полу тѣлъ, провожаемый злобными взглядами и глухимъ ворчаніемъ, а когда одинъ изъ товарищей замѣтилъ, «глянь, со старухой въ нужникъ пошелъ, видно помоложе не нашелъ», то груда тѣлъ такъ захохотала, что старушка было побоялась войти въ уборную, но я постарался ей объяснить, что это такъ солдаты языками чешутъ, но что на самомъ дѣлѣ она вѣвѣ подозрѣній, и тетенька согласилась; я ее покараулилъ и тѣмъ-же порядкомъ проводилъ обратно, но товарищи заявили, что въ другой разъ больше никого не пустятъ и дѣйствительно не пустили и молодого солдата. Уже за Тулой ему стало такъ нехорошо, что товарищи сжалились и пропустили, но было уже поздно . . . впоследствии одинъ врачъ мнѣ объяснилъ, что его постигнулъ параличъ мочевого пузыря, который вѣроятно ему стоилъ жизни.

Въ теченіе первой ночи, конечно, мы и глазъ не смыкали и тѣмъ болѣе, что въ купэ отношеніе другъ къ другу было волчьимъ, но потомъ все примирились со своимъ положеніемъ, привыкли другъ къ другу, вмѣстѣ помогали, чѣмъ могли, дѣтямъ, общность человѣческой ласки къ малюткамъ сближала, появилось любопытство къ окружающимъ, разспросы, завязались разговоры, а въ результатѣ мягкость въ обращеніи, предупредительность, какое-то взаимное пониманіе . . . и волки стали людьми.

Къ наступленію второй ночи нѣсколько бородатыхъ коридорныхъ пассажировъ потребовали смѣниться съ молодыми солдатами изъ нашего купэ. Озлобленные жертвы неравенства — мы сидѣли на мягкихъ диванахъ, а они на полу въ коридорѣ — съ мѣста въ карьеръ стали высыпать трафаретныя революціонныя сужденія, при чемъ попутно попадали камушки и въ огородъ двухъ мѣщанокъ-женщинъ, при которыхъ были дѣти, и больше всего въ нашъ, но камушки были мелкіе и не острые, почему свободно можно было не обращать на нихъ вниманія, но какъ только, хотя и въ самыхъ неестественныхъ позахъ, мы начинали дремать, такъ метаніе камней усиливалось нужно было что-нибудь предпринимать. «Вы откуда?» — «Каалуцкіе.» —

«А вы?» — «Тульскіе.» — «Какого уѣзда?» — «Чернскіе.» — «Алябьево знаете?» (Это наше бывшее родовое имѣніе, въ которомъ я еще въ юности бывалъ съ отцомъ.) — «Ну какъ-же, мы-же Никольскіе.» — «Графа Толстого?» — «Такъ и есть самаго грахва.» Изъ дальнѣйшаго разговора выяснялось, что помѣщичья земля еще не захвачена, изъ-за спора между сосѣдними деревнями (можетъ-быть свѣдѣнія ѣхавшаго съ фронта товарища были устарѣлыми, но для меня это было неважно). Сталкиваясь съ людьми и особенно во время моихъ многочисленныхъ путешествій, я охотно вступалъ съ ними въ разговоръ, развивая не явно тенденціозныя, а просто трезвыя мысли, и на этотъ разъ я постарался направить бесѣду на соціально-политическія темы и, замѣтивъ, что сидящіе со мною революціонеры — крестьяне, сосредоточился на земельномъ вопросѣ. Разумѣется, ничего новаго я имъ не сказалъ, но ими нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія были приняты, какъ откровенія. Между прочимъ, высказавшись противъ сохраненія при нѣкоторыхъ условіяхъ крупной земельной собственности, я тѣмъ не менѣе отмѣтилъ, что вырѣзать помѣщиковъ — жестоко, а палить ихъ усадьбы и гумна — нелѣпо, рассказавъ, какъ должна въ человѣческомъ, а не въ звѣриномъ обществѣ вестись борьба противъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и особенно тѣхъ, что сами не занимаются хозяйствомъ, взявъ за образецъ извѣстную австралійскую систему прогрессивныхъ и, для не живущихъ на своей землѣ, исключительныхъ налоговъ.

Обо всемъ этомъ я имъ рассказывалъ не меньше полчаса, но вниманіе ни на минуту не покидало революціонеровъ, они спрашивали, я объяснялъ имъ подробности, а когда я кончилъ, то они благодарили за мою импровизированную лекцію.

Атмосфера въ купѣ вновь оказалась дружелюбной, и я, сидя на краю дивана и изогнувшись подобно мѣсяцу, сталъ дремать въ то время, какъ революціонеры продолжали обсуждать слышанное. Сперва сквозь дремоту до меня доносились возмущенія по адресу глашатаевъ захватческихъ идей и сожалѣнія, что имъ никто не объяснялъ «австрійскаго способа», и я погрузился въ небытіе, невзирая на тѣсноту, неестественность позы, духоту и, главное, громкіе голоса разсуждающихъ. Сколько времени я отсутствовалъ, я не знаю — думаю, что съ поль-часа или часъ —, но мои революціонеры бдили, и когда вновь я сталъ слегка различать звуки, то слышалъ, что «каалуцкій» говорилъ, что я «противъ народа», что я «буржуй», и не должно-ли даже меня «куда представить», но чернскій возразилъ, что, конечно, должно, чтобы вся земля — народу, что я больно хитро говорилъ, но, что я — ничего — «должно нашъ чернскій, коли грахва знаетъ» . . . Кажется, на этомъ бородачи замолкли, а можетъ быть я опять ихъ больше не слышалъ, переставъ ощущать свое бытіе . . .

Я много разъ обращалъ вниманіе на то, какъ легко прививать нашимъ мужикамъ желаемыя мысли, они очень легко ихъ схватываютъ и впитываютъ, но также легко онѣ испаряются или вытѣсняются тѣмъ комплексомъ идей, что глубоко застѣлъ въ ихъ душу.

Къ вечеру второго дня въ нашемъ купѣ стало до такой степени душно, что можно было наблюдать всѣ признаки отравленія углекислотой и другими газами (я съ этими признаками хорошо познакомился, работая на рудникахъ): учащенное біеніе сердца, красныя пятна на щекахъ, стукъ въ вискахъ, головокруженіе и отдышка. Несмотря на свое здоровье, а также привычку къ спертой рудничной атмосферѣ, я положительно задыхался.

Послѣ двухдневнаго путешествія въ такихъ условіяхъ всѣ такъ утомились, что спали всю ночь мертвымъ сномъ. Я, однако, нѣсколько разъ просыпался отъ громкаго храпѣнія, подъ самымъ моимъ ухомъ «красы и гордости русской революціи» —

здоровеннаго товарища-матроса, граціозно склонившаго свою буйную голову на мое плечо, и отъ того, что порою во снѣ онъ меня обнималъ и ощупывалъ.

Утромъ въ Москвѣ я пересѣлъ въ другой поѣздъ, въ которомъ оказался вагонъ международнаго общества, уплативъ не малую дань проводнику.

Въ Петроградѣ я нашелъ жизнь спокойной и привольной, а нѣкоторые даже съ пріятной улыбкой заявили, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Никто не охранялъ ни нашей жизни, ни нашего жилища и имущества, и по истинѣ удивительно, что насъ не рѣзали и не грабили: поразительно велика въ народѣ сила инерціи!

Разумѣется благополучіе жизни, о которомъ я говорю, надо понимать относительно, но все же въ то время еще было возможно ночью ходить и ѣздить по городу — мы съ женой не разъ, возвращаясь съ Васильевскаго Острова на Кировую, проѣзжали въ часа 2 ночи по совершенно пустыннымъ Сенатской и Дворцовой площадямъ и по Марсову полю въ хорошихъ шубахъ, и никогда не были раздѣты или ограблены — можно было доставать продовольствіе, не было организованнаго преслѣдованія и угнетенія буржуазіи, выходили буржуазныя газеты, шпіонажъ еще не былъ возведенъ въ систему и т. д., и т. д.,

Что поражало въ то время — это страсть къ развлеченіямъ и зрѣлищамъ: кромѣ старыхъ театровъ и кинематографовъ. открылось много новыхъ, особенно миниатюръ, въ которыхъ беспрепятственно высмѣивались большевики, условія революціонной жизни, а въ одной пьесѣ появлялся на сценѣ городской, очевидно въ расчетѣ на оваціи, и дѣйствительно неизмѣнно раздавались шумные апплодисменты и восторженные восклицанія. Объ этомъ я передаю съ чужихъ словъ, такъ какъ съ начала революціи развлеченія меня нисколько не привлекали, и я нигдѣ не бывалъ, да и некогда было. Только въ ночь подъ Новый Годъ (1918) я былъ съ женой во вновь открытомъ ночномъ ресторанѣ «Regles», для котораго его владѣлецъ снялъ дворецъ Великой Княгини Ольги Александровны на Сергіевской улицѣ, скупивши также великокняжескіе винные погреба. Столовая ресторана была устроена въ большомъ концертномъ залѣ, а внутренніе покои служили въ качествѣ фойе. Въ нихъ все сохранилось такъ, какъ было, и публикѣ былъ открытъ доступъ всюду — даже въ такія мѣста какъ интимный будуаръ В. Княгини, спальня, ванная и пр. Я помню испытанное мною оскорбленіе и, конечно, не за то, что простые смертные проникли въ помещеніе, занимавшееся царской семьей, а за проникновеніе равнодушныхъ или любопытныхъ взоровъ пришедшихъ съ улицы людей въ тѣ мѣста, гдѣ протекала интимная жизнь женщины, гдѣ такъ часто она оставалась одна и куда допускались только близкія ей лица. Революція позволила производящему обыскъ пьяному солдату въ грязныхъ сапожищахъ и въ военной шинели войти въ спальню моей жены, рыться въ предметахъ ея интимнаго туалета и та-же революція впустила «буржуевъ» въ интимные покои другой женщины — Великой Княгини.

Въ эту ночь съ улицы дворецъ казался мрачнымъ, нежилымъ, какъ будто умершимъ, но только черныя занавѣсы стыдливо скрывали отъ улицы тысячи электрическихъ лампочекъ, заливавшихъ свѣтомъ бальныя (декольте) дамскія платья, брилліанты въ пышныхъ прическахъ и на тонкихъ кружевахъ, безукоризненные смокинги и лакированные полуботинки мужчинъ, эстраду съ «пикантными» танцовщицами, дизезками и шансонетками, крахмальное бѣлье и ливреи прислуги и накснецъ бѣлоснѣжныя скатерти, великокняжескій фарфоръ и дорогія вина. — Чѣмъ отличается «буржуазія» отъ переполняющей театры и кинематографы «революціонной демократіи»?

Часа въ три ночи, когда подъ вліяніемъ выпитаго вина, оживленной бесѣды и легкаго жанра танцевъ, пѣнія и музыки гости уже позабыли о непрочности замковъ

въ дверяхъ, отдѣляющихъ ихъ отъ большевицкаго міра, слышались какіе-то странные звуки изъ перваго этажа; сперва, даже не всѣ слышатъ, но звуки становятся все явственнѣе и они все рѣзче напоминаютъ о чемъ-то непріятномъ, но несомнѣнно существующемъ, а одновременно «буржуйская» иллюзія, созданная ночнымъ рестораномъ, покрывается все болѣе и болѣе густой дымкой. Метръ-д'отель успокаиваетъ, что это въ прихожей швейцары поссорились, что все будетъ сейчасъ улажено, но звуки становятся все громче, уже почти можно различить слова, какъ распаивается дверь и въ роскошный, нарядный, освѣщенный а гiогно залъ шумливо вламывается кучка людей, въ которой различаются нарядные лакеи и отбивающійся отъ нихъ ободранный съ пьяной и испитой рожей хулиганъ, вскрикивающій: «довольно Вы попили нашей кровушки» . . . а за дверью шумъ еще усиливается, по залу проносится какая-то жуть, нѣкоторыя дамы вскакиваютъ съ мѣсть . . . но, неожиданно для всѣхъ, тотъ-же хулиганъ, расшаркиваясь, на французскомъ языкѣ извиняется за причиненный испугъ . . . — это былъ загримированный артистъ французскаго театра — Мильтокъ — тотъ самый, что какихъ-нибудь десять минутъ назадъ съ эстрады смѣшилъ публику своими рассказами.

Можетъ быть, даже жаль, что это былъ не настоящій большевикъ-хулиганъ!

Только крайнимъ легкомысліемъ можно объяснить то, что многіе смотрѣли на переворотъ, почти какъ на смѣну кабинета, и, иронизируя большевицкую власть, ждали, что скоро она какъ-то сама собой падетъ. Въ оправданіе должно все же сказать, что въ то время дѣйствительно трудно было представить, чтобы могли найтись такіе сумасшедшіе люди, которые рискнули-бы взаправду продѣлать коммунистическій экспериментъ на необъятномъ пространствѣ Россіи со 180 милліоннымъ населеніемъ, и даже позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы сами большевицкіе вожди увѣрены были въ достаточной своей волѣ и рѣшительности къ проведенію этого безумнаго замысла.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ почти два мѣсяца спустя послѣ переворота — 14 декабря въ Петроградѣ были націонализированы частные коммерческіе банки (даже за нѣкоторыми исключеніями) и то съ поразительной осторожностью и даже нерѣшительностью: входы банковъ были заняты войсками, доступъ публики былъ прекращенъ и была объявлена лишь провѣрка счетовъ, а въ провинціи банки продолжали дѣйствовать, какъ и ранѣе, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ главѣ 3-ей я отмѣчу еще большую нерѣшительность въ отношеніи націонализаціи промышленности, которой народные комисары прямо-таки боялись.

Глава II

СРЕДИ МНОГОВЛАСТІЯ

Совѣтъ и Управленіе дѣлами Союза представителей металлургической и желѣзодобывающей промышленности («Сометалль») находились въ Петроградѣ, т. е. тамъ, гдѣ правительство и правленія крупнѣйшихъ банковъ и металлургическихъ обществъ, а подавляющее большинство заводовъ, всѣ желѣзные и всѣ принадлежащіе металлургическимъ обществамъ каменно-угольные рудники (насколько помню, съ 59% добычи донецкаго каменнаго угля) — на Югѣ Россіи. Послѣ октябрьскаго переворота прервалась связь съ правительствомъ, а послѣ націонализаціи банковъ, и съ

этими послѣдними, почему естественно было-бы перебраться правленіямъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Союзу, на югъ Россіи — въ Харьковъ, гдѣ находились правленія рабочихъ профессиональныхъ союзовъ, аналогичные «Сометаллу» другіе промышленные союзы — «Углесоюзъ», «Антрацитосоюзъ» и пр., — Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ, «Монотопъ» (Управление Государственной монополіей минеральнаго топлива) и гдѣ впоследствии образовалась областная власть — правительство республики «Кривдонбаса», т. е. Криворожскаго и Донецкаго бассейновъ, вмѣшивавшаяся въ промышленную жизнь гораздо болѣе центральнаго петроградскаго правительства, но вѣдь никто не вѣрилъ въ долгое пребываніе большевиковъ у власти, а на короткое время перебираться не стоило, къ тому-же для представительства Союза въ Монотопъ, въ Совѣтъ Съѣзда горнопромышленниковъ, въ Углесоюзъ и въ областныхъ учрежденіяхъ былъ у насъ въ Харьковѣ свой уполномоченный — П. С. Сергѣевъ съ его замѣстителемъ С. Ф. Коржицкимъ и съ цѣлымъ штатомъ служащихъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду оторванности находившагося въ Петроградѣ Союза отъ Юга Россіи при уже совершенно испортившихся средствахъ сообщенія, мнѣ постоянно приходилось туда ѣздить. Только въ началѣ декабря я оттуда вернулся въ столицу, но вслѣдствіе появленія новыхъ запросовъ мнѣ опять пришлось въ серединѣ января съѣздить въ Харьковъ, откуда я возвратился уже только въ концѣ февраля.

На этотъ разъ особенно была тяжела посадка въ Москвѣ. Бѣгущіе съ фронта противники аннексій и контрибуцій, равно какъ и шнырявшіе взадъ и впередъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ мѣшками за спиной борцы со спекуляціей десятками тысячъ заполонили и изгадили великолѣпный Курскій вокзалъ, беря съ бою каждый отходящій поѣздъ, невзирая на то, что для успокоенія путешественниковъ, штурмующихъ вагоны, было приказано стрѣлять вдоль поѣзда изъ поставленныхъ у конца его пулеметовъ. Не повѣривъ предупрежденіямъ носильщика, я обратился къ дежурному по станціи, отъ котораго услышалъ: «ежедневно мы убираемъ трупы людей, попавшихъ подъ колеса при подачи поѣзда и убитыхъ при посадкѣ; сегодня уже подобрано 18 труповъ.»

Послѣдовавъ совѣту носильщика, я сѣлъ въ поѣздъ, когда онъ еще стоялъ на запасныхъ путяхъ за пять часовъ до его отхода, конечно уплативъ за это, что слѣдуетъ. Когда пришло время подавать поѣздъ къ станціи и вагонъ былъ уже биткомъ набитъ, онъ былъ окруженъ вооруженными солдатами, потребовавшими его очищенія подѣ страхомъ разстрѣла: «Не выйдемъ! Стрѣляйте! Товарищи, держитесь крѣпко! Всѣхъ не перебьютъ!» — было отвѣтомъ, но минуты черезъ двѣ готовность умереть за занятые мѣста вдругъ исчезла, вагонъ мгновенно опустѣлъ, а поѣздъ потянулся къ станціи. Добѣжавъ до станціи, я все же уѣхалъ съ этимъ самымъ поѣздомъ.

Возвращаясь изъ Харькова, я всегда обѣщалъ себѣ больше туда не ѣздить — такъ были тяжелы переѣзды — но проходилъ мѣсяць, и меня опять тянула бившая тамъ ключомъ жизнь — по сравненію съ Харьковомъ Петроградъ казался тихимъ, заброшеннымъ кладбищемъ — хотя эта жизнь среди обезумѣвшихъ людей, наполненная непрерывными терзаніями, во истину была едва выносимымъ, проклятымъ кошмаромъ.

Былъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго въ Харьковѣ находилось семь самостоятельныхъ органовъ власти: 1. исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ, 2. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ республики Кривдонбаса, 3. Военно-революціонный комитетъ, 4. штабъ по борьбѣ съ контръ-революціей (прототипъ «чека»), 5. штабъ южной арміи (Антонова), 6. «семерка» (источники ея власти выяснить не удалось), 7.... (не могу припомнить). Каждая изъ этихъ «государственныхъ

властей» заявляла о своей самостоятельности, отказываясь признавать независимость остальных шести. Всѣ граждане приглашались повиноваться беспрекословно и подѣ страхомъ разстрѣла именно такому-то органу, не исполняя распоряженій остальныхъ. Семь «государственныхъ властей» вели между собой борьбу, при случаѣ даже разстрѣливая агентовъ конкурента или подвернувшася подѣ руку обывателя. Но если война съ Германіей не мѣшала брататься русскимъ солдатамъ съ нѣмецкими, то съ междоусобной борьбою благополучно совмѣщалось почти братское взаимопониманіе и порою сотрудничество.

Взаимное пониманіе и солидарность, какъ и междоусобная борьба, имѣли, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, одни и тѣ-же источники: всѣ хотѣли властвовать, грабить награбленное и издѣваться надѣ «буржуазіей» и всѣ видѣли (или дѣлали видѣ, что видѣли) передѣ собою общаго для нихъ всѣхъ врага — мифическую контръ-революцію.

Когда въ февралѣ 1918 года были арестованы и куда-то увезены Предсѣдатель Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ Южной Россіи Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, его товарищъ А. И. Фенинъ и Управляющій дѣлами Совѣта Б. Н. Соколовъ, то я вмѣстѣ съ П. С. Сергѣевымъ отправились нарочно отъ имени Профессіональнаго Союза Инженеровъ Южно-Русской горнозаводской промышленности (трое арестованныхъ и мы оба — горные инженеры), а не отъ имени Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ (капиталистовъ), хлопотать за нашихъ товарищей въ штабъ по борьбѣ съ контръ-революціей. Штабъ помѣщался въ лучшей части города на Садово-Куликовской улицѣ близъ Пушкинской — въ роскошномъ одноэтажномъ особнякѣ Рыжева. Войдя черезъ массивную дубовую дверь, мы увидѣли передѣ собою широкую мраморную, всего въ нѣсколько ступеней лѣстницу, у подножія которой лежало два пулемета, направленныхъ къ входной двери, и около нихъ человекъ четыре солдатъ, а на площадкѣ вверху ея увѣшанный пулеметными лентами матросъ возился съ третьимъ пулеметомъ, поворачивая его на бѣлоснѣжныхъ и полированныхъ мраморныхъ плиткахъ. Сбоку отъ главной лѣстницы, тоже мраморный, но узкій маршъ велъ въ какое-то полуподвальное помѣщеніе. Съ площадки вверху главной лѣстницы дверь en face вела въ кабинетъ начальника штаба, а налѣво — въ большой бѣлый залъ съ дорогимъ паркетомъ и лѣпными украшеніями на стѣнахъ.

Никто не обращалъ на насъ никакого вниманія, почему П. С. Сергѣевъ освѣдомился у матроса, не поцарапаетъ-ли онъ мраморъ, поворачивая на немъ пулеметъ. Услышавъ голосъ, матросъ выпрямился, спросилъ, что намъ нужно, и указалъ рукою на открытую дверь, ведущую въ залъ. Ремингтонъ на простомъ крашеномъ столѣ нарушалъ строгость обстановки зала, въ который поминутно входили какіе-то люди, всѣ одѣтые въ военную форму, тихо, почти шопотомъ при встрѣчи другъ съ другомъ озабоченно говорили и опять исчезали. Походивъ взадъ и впередъ по прекрасному паркету, мы, наконецъ, направились къ проходившему молодому тоже въ военной формѣ человекъ съ интеллигентнымъ лицомъ. Пославъ какого-то солдата къ старшему адъютанту, чтобы доложить о насъ начальнику штаба, а потомъ, осмотрѣвъ насъ съ головы до ногъ и спросивъ, кто мы такіе, точно спохватившись, онъ обратился къ намъ съ укоромъ, какъ это мы могли сюда явиться; но это былъ не начальственный окрикъ за чрезмѣрную, граничащую съ нахальствомъ смѣлость, а скорѣе *tendre гергосче*, почти любовное сожалѣніе, что мы оказались въ такомъ вертепѣ, и вольно-опредѣляющійся изъ студентовъ принялся намъ рассказывать, изъ кого состоитъ этотъ «штабъ»: все это сбродъ, подонки общества, ничего не имѣющіе общаго ни съ социализмомъ и коммунизмомъ, ни вообще съ какими-бы то ни было идеями, къ общечеловѣческому благополучію относящимися. По его мнѣ-

нію, появленіе въ «Штабъ» такихъ несомнѣнныхъ «буржуевъ», какъ мы, не безопасно, почему совѣтовалъ поскорѣе удалиться.

Какой-то военный, подойдя къ намъ, пригласилъ насъ къ начальнику штаба — Войцеховскому. По правую руку отъ двери, ведущей съ мраморной площадки и черезъ которую мы вошли, за дорогимъ, насколько помню — краснаго дерева, столомъ въ солидномъ креслѣ сидѣлъ лѣтъ 32, несомнѣнно штатскій человѣкъ съ бритыми усами и бородой, въ темнокоричневомъ костюмѣ съ отложнымъ стоячимъ воротничкомъ, съ четырьмя большими наружными карманами, верхніе изъ которыхъ соединены тонкой цѣпочкой, просунутой черезъ петлицу застегнутой на все пуговицы куртки. Длинный овалъ лица, тонкія губы, серьезные, чуть грустные глаза, прямой узкій носъ, казалось, говорили, что въ этомъ человѣкѣ не должно ожидать грубости, а сдержанныя движенія и манера говорить подавленнымъ голосомъ, при нервной подвижности лица и при характерныхъ круто спускавшихся отъ носа и глазъ складкахъ, позволяли предполагать въ немъ съ трудомъ скрываемый темпераментъ.

По правую руку отъ него, наискось, около стола вытягивалась по военному стройная фигура старшаго адъютанта — грузинскаго князя. Подчеркнутый шикъ его военнаго платья при нѣсколькихъ дѣланной граціи его движеній и слишкомъ частомъ сдвиганіи каблучковъ съ побрякиваніемъ шпорами напоминали о предшествующей службѣ въ армейской кавалеріи, о которой намъ еще раньше сказалъ вольноопредѣляющійся изъ студентовъ. Бодрый, почти смѣющійся видъ этого молодцеватаго, красиваго и упитаннаго юноши положительно свидѣтельствовалъ о томъ, какъ онъ радуется своимъ успѣхамъ по службѣ (!) и въ средѣ вѣроятно не особенно прихотливыхъ женщинъ и какъ онъ доволенъ широкимъ размахомъ веселыхъ кутежей, о которыхъ потомъ мы не мало слышали въ городѣ.

Въ то время, какъ начальникъ штаба и старшій адъютантъ оживленно обмѣнивались въ полъ-голоса короткими фразами, прямо передо мною изъ подъ задернутой, толстой, штофной занавѣси, отдѣлявшей вмѣстѣ съ аркой рабочій кабинетъ отъ какой-то другой комнаты, появился средняго роста, коренастый, подпоясанный кожаными ремнемъ съ заткнутыми за нимъ двумя большими револьверами Нагана, обмотанный черезъ плечи пулеметными лентами, въ высокихъ до колѣнъ сапогахъ матросъ Васильевъ, буйная голова котораго стоила жизни многимъ и очень многимъ людямъ. Быстрыми шагами онъ подошелъ къ стоящему въ глубинѣ комнаты по лѣвую руку отъ меня дивану, на которомъ сбился чехоль. Не поправляя его, онъ положительно плюхнулся на диванъ, чехоль съ трескомъ лопнулъ, что вызвало небрежную улыбку на лицѣ героя, а чрезъ образовавшуюся въ чехлѣ щель стало видно оторвавшуюся отъ дивана шелковую ткань. Осмотрѣвъ насъ, матросъ одобрительно окинулъ взглядомъ стоявшій налѣво отъ него откупоренный ящикъ съ шампанскимъ и другой съ ручными гранатами, но остановилъ свое вниманіе на третьемъ, ближайшимъ къ нему, изъ котораго досталъ нѣсколько сигаръ, одну изъ нихъ закуривъ, а остальные уронивъ на полъ. Вѣроятно замѣтивъ по моему лицу, что его поведеніе производитъ желаемый эффектъ, онъ, вставъ съ дивана, направился къ ящику съ ручными гранатами. Взявъ одну изъ нихъ въ руку и повернувшись опять лицомъ ко мнѣ, онъ сталъ заносить гранату надъ своимъ плечомъ, потомъ выпрямляя руку, по направленію ко мнѣ, какъ будто онъ хотѣлъ въ меня швырнуть гранату. Это упражненіе онъ повторялъ нѣсколько разъ, пока я отъ него не отвернулся.

Вскорѣ докладъ адъютанта закончился и начальникъ штаба по борьбѣ съ контрреволюціей, вставъ съ кресла, очень вѣжливо къ намъ обратился, спросивъ, что намъ угодно. Внимательно насъ выслушавши, опять въ полъ-голоса, что придавало бесѣдѣ какую-то интимность, объяснилъ намъ, что наши товарищи схвачены по

ордеру военныхъ властей, а именно штаба командующаго южной арміей Антонова (какая освѣдомленность о дѣйствіяхъ конкурирующей власти!), что онъ (начальникъ штаба по борьбѣ съ контр-революціей) сдѣлаетъ все возможное для ихъ скорѣйшаго освобожденія, но что для этого необходимо намъ прежде всего добиться перечисленія арестованныхъ «за нимъ», къ чему у насъ имѣются основанія, такъ какъ наши товарищи подлежатъ не военной, а политической юрисдикціи.

Едва онъ это объяснилъ, какъ изъ-за штофной занавѣси, куда вернулся матросъ Васильевъ, раздался пронзительный женскій визгъ и тихій, но грубый уговаривающій мужской голосъ . . . Лицо начальника штаба брезгливо передернулось, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ разговоръ съ нами въ тѣхъ-же ровныхъ тонахъ. Переговоривъ съ нимъ также о продѣлкахъ «анархистовъ», о чемъ я расскажу нѣсколько позже, и распрощавшись по европейски (безъ рукопожатія), мы вышли опять на площадку мраморной лѣстницы, гдѣ застали десятка два толпившихся солдатъ съ винтовками.

Въ это время черезъ парадную дверь входятъ нѣсколько вооруженныхъ солдатъ, кснвоируя большого роста, очень крѣпкаго, атлетическаго вида мужчину въ пиджачной парѣ, сапогахъ и картузѣ, всѣ вмѣстѣ поднимаются по лѣстницѣ и, повстрѣчавъ какго-то военнаго, замѣтившаго: «ахъ, арестовали? хорошо!» мужчина въ пиджакѣ сталъ сразу объяснять ему, что обыскъ и арестъ онъ производилъ на законномъ основаніи, имѣя на то ордеръ отъ . . . (названія органа государственной власти я не слышалъ), протягивая при этихъ словахъ руку съ какой-то запиской. Отвѣтили-ли что-нибудь военный, сказавшій: «ахъ, арестовали? хорошо!», или нѣтъ, я не слышалъ, но мужчину въ пиджакѣ, невзирая на его словесные протесты, повели внизъ по узкой лѣстницѣ въ полуподвальное помѣщеніе, оттуда послышался глухой звукъ выстрѣла. Въ то-же время изъ бѣлой залы на площадку вынесли ящикъ съ консервами въ жестяныхъ банкахъ, которые было приказано каждому изъ солдатъ взять по одной. Было объяснено солдатамъ, что они назначаются на усмирніе кого-то; они какъ-то столпились, что-то между собой говорили, потомъ одинъ изъ нихъ громко, бодро и увѣренно сказалъ — «ну нехай, пойдёмъ», и пошли . . .

«Безъ имени святого всѣ двѣнадцать вдаль.

Къ всему готовы, ничего не жаль,»

а за ними вышли на улицу и мы, насмотрѣвшись на своеобразную жизнь этого богатаго особняка.

Кромѣ семи государственныхъ властей большевицкаго типа, должно еще отмѣтить существованіе и кое-какихъ независимыхъ отъ нихъ органовъ государственнаго управленія: 1. комиссаръ украинской Большой Рады Скрипникъ, но дѣятельности его въ качествѣ представителя украинской государственной власти было невозможно уловить, такъ какъ онъ, будучи большевикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ какой-то совѣтскій комиссарскій постъ (насколько помню, онъ былъ комиссаромъ финансовъ южно-русскаго района), и 2. управленіе созданной Временнымъ Правительствомъ и позабытой петроградскими народными комиссарами государственной монополии торговли минеральнымъ топливомъ («Монотопъ») и Донецкій Комитетъ, объединявшій управленіе по добычѣ минеральнаго топлива, по транспорту и продовольствію промышленнаго Юга, во главѣ которыхъ попрежнему стояли Иванъ Григорьевичъ Сергѣевъ, въ качествѣ главно-уполномоченнаго Особаго Совѣщанія по топливу, Г. Рожицкій — его замѣститель и совѣтъ и комитетъ при немъ, состоявшіе на половину изъ представителей горнопромышленниковъ и на половину изъ представителей горно-рабочихъ (вождей профессиональнаго союза «Горнотрудъ» — мень-

шеви́ковъ Сандомирскаго, Айгорна, Цукугельна и др.; насколько помню, Сандомирскій — помощникъ присяжнаго повѣреннаго, а Айгорнъ — инженеръ-технологъ); однако, на очень бурномъ, скорѣе напоминающемъ митингъ, засѣданіи Совѣта въ присутствіи и съ участіемъ въ преніяхъ неизвѣстно откуда пришедшихъ и переполнившихъ залъ сотенъ людей было рѣшено, послѣ горячей схватки между меньшевицкими и большевицкими ораторами, примѣнить такъ называвшійся «демократическій паритетъ», согласно которому $\frac{2}{3}$ мѣстъ въ совѣтѣ получали рабочіе и $\frac{1}{3}$ предприниматели; послѣдніе, ограничившись деклараціей, въ преніяхъ участія не принимали, предоставивъ меньшевикамъ защищать буржуазное равноправіе, тѣмъ болѣе, что побѣда большевиковъ представлялась очевидной, и въ связи съ этимъ напередъ было заготовлено заявленіе о выходѣ промышленной фракціи изъ состава Совѣта и Комитета, которое своевременно и было подано.

Если власть комиссара, сохранившагося отъ эпохи Временнаго Правительства Украинской Рады, не ощущалась, а существованіе забытыхъ органовъ того же Временнаго Правительства — и то временно, распространялось только на нѣкоторыя хозяйственныя отношенія, то была еще одна «власть», дѣятельность которой самымъ непосредственнымъ и чувствительнымъ образомъ затрогивала жизнь и собственность харьковскихъ жителей — это власть «анархистовъ».

Между харьковскими большевиками начала 1918 года и «анархистами» въ ихъ практической дѣятельности гораздо больше общаго, чѣмъ ихъ различающаго, но тѣмъ не менѣе, разумѣется, невозможно отнести власть анархистовъ къ числу «государственныхъ властей», даже въ ковычкахъ; «государственныхъ властей» въ Харьковѣ было все же, не 8, а 7, хотя отъ этого было вовсе не легче харьковскимъ жителямъ: дѣятельность «государственныхъ властей» въ ея существенной части, какъ и дѣятельность «власти анархистовъ», одинаково заключалась въ тѣхъ-же самыхъ занятіяхъ — въ грабежѣ, насиліяхъ и убійствахъ —, но «государственныя власти» сверхъ того управляли (какъ? — другое дѣло) органами продовольствія, финансовъ, регулированія труда, транспорта и пр., вообще признавая, хотя-бы нерѣдко лишь теоретически, государственность, тогда какъ «анархисты» только грабили, насиловали и убивали.

Дѣйства «анархистовъ» происходили въ такомъ порядкѣ: подѣзжали къ какому-нибудь, впрочемъ, вѣроятно, напередъ облюбованному дому автомобили и автокаміоны; прежде всего водружали на его стѣнахъ, вмѣсто когда-то красовавшихся въ высоко торжественные дни трехцвѣтныхъ флаговъ, черныя знамена торжествующей анархіи, послѣ чего начиналась «очистка» дома, при чемъ изгоняемымъ хозяевамъ не разрѣшалось взять съ собой даже смѣны бѣлья. Болѣе цѣнные предметы искусства вывозились въ какой-то, впрочемъ едва-ли кому-нибудь извѣстный, анархическій музей, а прочіе предметы болѣе непосредственнымъ путемъ поступали въ личную собственность лицъ, исповѣдывавшихъ высокіе идеалы анархизма. По окончаніи очистки, входъ въ домъ объявлялся открытымъ, черныя знамена увозились, а находившейся при этомъ на улицѣ публикѣ рекомендовалось выбрать что кому понравится изъ не интересующихъ «идейныхъ анархистовъ», оставленныхъ ими предметовъ домашняго хозяйства: дырявую кадку, шляпную картонку, переносную лѣстницу и пр. Я лично ежедневно наблюдалъ за очисткою особняка Шабельскаго — этого, если можно такъ выразиться, жилого музея — которая производилась «идейными анархистами» въ теченіе, пожалуй, двухъ—трехъ недѣль, а заканчивалась сочувствующими имъ по открытіи свободнаго входа еще въ теченіе доброй недѣли.

Больше всего шума надѣлала въ Харьковѣ произведенная «анархистами» облава многоэтажнаго дома на Мироносицкой улицѣ. Я лично не видѣлъ этого дѣйства, но

помню издерганный, полупомѣшанный видъ осунувшагося за одну ночь моего сотрудника по «Сометаллу» инженера С. Ф. Коржицкаго, когда черезъ два—три дня, нѣсколько придя въ себя, онъ разсказалъ о томъ, какъ въ сосѣдней квартирѣ насилывали жену и дочь квартирохозяина на его глазахъ, а его самого за оказанное сопративленіе тутъ-же разстрѣляли, какъ Коржицкій ждалъ того-же въ отношеніи членовъ его семьи . . . (по необъяснимой случайности его квартира была пропущена) . . . и о многомъ другомъ, чѣмъ я не могу загромождать моихъ записокъ; поставивъ себѣ за правило не записывать происшествій съ чужихъ словъ, я все же упоминаю о разсказѣ С. Ф. Коржицкаго, такъ какъ именно по этому поводу мы съ П. С. Сергѣевымъ и говорили объ анархистахъ съ начальникомъ штаба по борьбѣ съ контрреволюціей.

Разсказавъ ему объ облавѣ и сопровождавшихъ ее насиліяхъ и убійствахъ, мы замѣтили, что начальникъ штаба, считая себя все же однимъ изъ носителей государственной власти, обязанъ принять мѣры борьбы съ анархистами и охраны гражданъ отъ злодѣйствъ.

— Да, я знаю объ этой облавѣ . . ., но что-же мы можемъ сдѣлать, когда анархисты неуловимы: вѣдь я-же не знаю напередъ, какой изъ домовъ они намѣтятъ.

— Слѣдовательно, анархисты могутъ безпрепятственно продолжать?

— Нѣтъ, если къ вамъ придутъ, то вы позвоните ко мнѣ по телефону № 101, а если меня въ то время тутъ не будетъ, то по № 104 въ мою канцелярію.

Намъ не понравилось это ограниченіе — къ вамъ, — для котораго мы не подали никакого повода, но интереснѣе, чѣмъ именно онъ закончилъ свои совѣты.

— Но вы дѣйствительно пришлете военный отрядъ, если вамъ позвонить по телефону? — Послѣ паузы — нѣсколько порывистый отвѣтъ:

— Знаете: вы лучше сами ихъ убивайте!

— Чѣмъ?

— Вѣдь у всѣхъ у васъ имѣются револьверы!

— Да, но убивая анархистовъ, мы этимъ самымъ выдадимъ наличие ихъ у насъ, когда вами-же запрещено храненіе и ношеніе ихъ подъ страхомъ разстрѣла на мѣстѣ нахожденія! — Сорвалось у насъ съ языка, но начальникъ штаба нашей проговоркой не воспользовался.

— Нѣтъ! Анархистовъ намъ не жаль. Мы даже вамъ будемъ благодарны за каждаго убитаго изъ нихъ, и я вамъ обѣщаю, что въ такихъ случаяхъ за револьверы мы васъ не разстрѣляемъ. Но все же съ оружіемъ вы не попадайтесь!

Вѣроятно, какъ и многихъ другихъ, меня интересовали вопросы: изъ какихъ элементовъ состояли кружки анархистовъ и при томъ въ отдѣльности — вожди и рядовые сотрудники? какова *mentalité* тѣхъ и другихъ? какова ихъ внутренняя организація? была-ли и въ какой мѣрѣ связь между анархическими кружками Харькова, Москвы и Петрограда?

Я слишкомъ мало зналъ и еще меньше помню, чтобы позволить себѣ отвѣчать на эти вопросы. Отмѣчу только поражавшее меня среди видѣнныхъ мною въ Харьковѣ «анархистовъ» преобладаніе людей среднихъ надъ простолюдинами: люди въ сѣрыхъ шинеляхъ были похожи скорѣе на вольноопредѣляющихся II разряда или писарей, а въ штатскомъ платьѣ — на наборщиковъ, семинаристовъ, слушательницъ курсовъ для повивальныхъ бабокъ, можетъ быть, студентовъ, курсистокъ и пр.; простыхъ-же съ открытыми лицами людей я не помню. Говорили о томъ, что среди «анархистовъ» имѣется много бывшихъ агентовъ полиціи, въ чемъ нѣкоторые видѣли исходящую изъ тактическаго принципа, «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», провокацію населенія къ контрреволюціи. Быть можетъ, среди «анархистовъ» и были люди, пре-

слѣдовавшіе такіа цѣли, но, думается, все же, на основаніи видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго въ анархическихъ газетахъ и прокламаціяхъ, что кромѣ того были въ ихъ средѣ фанатики, а больше всего безпринципные и развращенные люди, принадлежавшіе къ подонкамъ общества.

Анархизмъ въ теченіе революціи проявился въ самыхъ разнообразныхъ формахъ — анархизмъ кружковъ, анархизмъ широкихъ массъ населенія и наконецъ анархизмъ «зеленыхъ», все совершенно разныя явленія во всѣ періоды революціи, — и несомнѣнно онъ привлечетъ самое серьезное вниманіе его будущихъ изслѣдователей. Что-же касается жившихъ въ Харьковѣ современниковъ развитія дѣятельности анархистовъ, то если-бы не особливая методичность, съ которой анархисты грабили, не исключительная жестокость, съ которой они насилывали женщинъ и убивали мужчинъ, не подавляюще дѣйствовавшія, наконецъ, на людскую психику черныя знамена, то, пожалуй, о нихъ такъ много въ Харьковѣ не говорили-бы, ибо гораздо меньшее количество людей и имущества, и наконецъ государственныхъ интересовъ пострадало отъ налетовъ лицъ, называвшихъ себя «идейными анархистами» (кстати, какъ на столбцахъ издававшейся ими газеты «Анархистъ», такъ и въ личныхъ разговорахъ со своими жертвами, они не разъ убѣдительно просили ихъ не смѣшивать съ безсознательными анархистами, разбойниками, грабителями, ворами и прочей «сволочью»), чѣмъ отъ дѣйствій такъ называвшейся «организованной демократіи», которыя въ своемъ существѣ, конечно, были глубоко анархическими.

Вѣдь кто-же, какъ не «организованные» рудничные и заводскіе рабочіе, домогались путемъ угрозъ, грабежей и убійствъ, безпрестаннаго поднятія заработной платы, уменьшенія продолжительности рабочаго времени и интенсивности труда, кто-же, какъ не они, уничтожили трудовую дисциплину, безъ которой гибли рудники, заводы, желѣзныя дороги, трамваи и пр., кто-же лишалъ возможности исполнять свои обязанности технической и административный персоналъ, изгонялъ, арестовывалъ или убивалъ инженеровъ?!

Только за короткое время моего пребыванія въ Харьковѣ пострадали на рудникахъ слѣдующіе инженеры: 1. убитъ горный инженеръ Андреевъ на рудникѣ Екатериновскаго Горнопр. Общества, 2. облитъ смолой и сожженъ инженеръ Фишкинъ на Берестовскомъ рудникѣ Пастухова, 3. убитъ горный инженеръ Звѣревъ на рудникѣ въ Макѣевкѣ, 4. убитъ инженеръ Стаковскій на Ремовскомъ антрацитовомъ рудникѣ, 5. убитъ горный инженеръ Р. И. Параконъ на Берестово-Богодуховскомъ рудникѣ, 6. убитъ инженеръ Гриневичъ на рудникѣ Франко-Русскаго Общества, 7. убитъ горный инженеръ Муравинъ на Боково-Хрустальскомъ рудникѣ, 8. раненъ инженеръ Шипманъ въ Макѣевкѣ, 9. убитъ инженеръ Печукъ на рудникѣ Русскій Антрацитъ и, вѣроятно, убиты многіе другіе инженеры, о которыхъ до меня не дошли свѣдѣнія, о количествѣ-же подвергшихся аресту, грабежу, издѣвательствамъ и пр. и говорить не приходится. При этомъ достойно вниманія то обстоятельство, что многіе изъ инженеровъ пострадали вовсе не изъ мести или вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго рабочимъ въ отношеніи ихъ требованій, а нерѣдко только потому, что они выполняли тогда или раньше распорядительныя функціи: въ видѣ примѣра отмѣчу, что два или три прибывшихъ въ Харьковъ рабочихъ каменно-угольнаго рудника П. А. Карпова получили отъ Харьковскаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ ордеръ и въ свое распоряженіе автомобиль для ареста горнаго инженера А. В. Мономахова, который дѣйствительно и былъ арестованъ на Сумской улицѣ въ то время, когда послѣ завтрака онъ выходилъ изъ ресторана, при чемъ единственнымъ пунктомъ для обвиненія было то, что онъ состоялъ управляющимъ выше упомянутымъ рудникомъ: прошло уже полъ-года, что А. В. Мо-

номаховъ сдалъ управленіе рудникомъ, но тѣмъ не менѣе лишь съ большимъ трудомъ его удалось освободить.

Чтобы рассказать хотя-бы малую часть относящихся къ разрушительной дѣятельности «организованной демократіи» фактовъ, о которыхъ такъ много извѣстно каждому изъ насъ — промышленныхъ дѣятелей, пришлось-бы исписать вѣроятно сотни страницъ, но это рѣшительно вывело-бы меня изъ рамокъ моихъ записокъ, къ тому-же въ интересахъ достовѣрности при писаніи «на память» я предпочитаю по возможности ограничиваться тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ, хотя-бы это было болѣе блѣднымъ.

При наличіи семи «государственныхъ властей» и «кружковъ идейныхъ анархистовъ» жизнь въ Харьковѣ была полна превратностей; беззащитность чувствовалась особенно сильно въ то время, когда обезумѣвшіе низы населенія готовились, какъ говорили на митингѣ на кладбищѣ, къ устройству «Варламеевой (Варфоломеевской) ночи», намѣреваясь перерѣзать «всѣхъ буржуевъ», и отъ постоянныхъ арестовъ, обысковъ, грабежей, убійствъ, насилій ошалѣвшіе люди метались въ тщетныхъ поискахъ защиты, хватались, какъ за соломинку, за каждый слухъ о возстаніи какого-то дѣхотнаго полка, обѣщавшаго водворить порядокъ и спокойствіе, о прибытіи посланныхъ Украинской Радой войскъ, о приближеніи германскаго отряда, предназначеннаго для спасенія харьковскихъ жителей отъ ада, котораго, какъ казалось, больше невозможно выносить. Возстаніе цѣхотнаго полка дѣйствительно имѣло мѣсто, но потомъ враждовавшія «демократіи» какъ-то сговорились. Украинскія войска дѣйствительно прибыли и при томъ въ полномъ порядкѣ, хорошо одѣтыя, сытыя, съ внѣшними признаками дисциплины, но со станціи въ городъ не пошли, а потомъ куда-то сгнули. Германскому отряду, конечно, было неоткуда появиться, но какой-то нѣмецъ изъ военно-плѣнныхъ, хотя и по секрету (!), но съ увѣренностью сказалъ своимъ знакомымъ, что такого-то числа придутъ германскія войска, что ему объ этомъ сообщено, т. к. онъ назначенъ консуломъ, и приказано черезъ него всѣмъ германскимъ офицерамъ образовать изъ военно-плѣнныхъ воинскіе отряды для немедленнаго присоединенія къ имѣющимъ прибыть войскамъ, и все это немедленно разнеслось по городу, и всѣ этому повѣрили: обезумѣвшая отъ ужасовъ «буржуазія» потому, что, забывъ все, кромѣ животной боязни за свою жизнь и имущество, страшно стремилась къ избавленію отъ давившаго ее кошмара какой угодно цѣной, а низы населенія потому, что въ то время не могли еще вѣрить въ безнаказанность попиранія ими того, что лежитъ въ глубинѣ сознанія челоука и что называется правомъ или нравственностью, хотя-бы до сихъ поръ наукѣ не удалось это понятіе удовлетворительнымъ образомъ опредѣлить; но любопытнѣе всего то, что повѣрили этому и всѣ «государственные власти» и «идейные анархисты» и настолько повѣрили, что къ назначенному дню на автомобиляхъ все и вся перевезли въ приготовленные поѣзда и собрались эвакуироваться — все это происходило на глазахъ населенія.

Разумѣется, германскіе отряды не пришли, а «государственные власти» продолжали упражнять свои таланты и энергію управленія, какъ продолжала неистовствовать и «демократія».

Единственнымъ средствомъ защиты была самоохрана, которая была поставлена серьезнѣе, чѣмъ въ Петроградѣ, хотя при меньшей плотности населенія (малоэтажные дома съ малымъ количествомъ жителей, особняки, сады и полисадники) достигнуть дѣйствительныхъ результатовъ было труднѣе: вѣроятно, лучшіе результаты объясняются тѣмъ, что жизнь въ Петроградѣ гораздо покойнѣе, чѣмъ въ Харьковѣ. Охрана была не только внутри домовъ, но и внѣшняя; организація охраны распро-

странялась не на одинъ домъ, а на цѣлый кварталъ; для наружной стражи имѣлось иногда квартальное помѣщеніе, въ которомъ составъ дежурныхъ могъ отогрѣваться, отдохнуть и покурить, оставляя на улицѣ лишь часовыхъ. По звону въ колоколъ у квартальнаго помѣщенія или по гудку должно было являться все занесенное на сей предметъ въ списки мужское населеніе квартала, кромѣ лицъ, считавшихся большевиками. Дежурства были очень частыми (кажется, два раза въ недѣлю) и потому изнурительными: невзирая на бессонную ночь, днемъ «буржуазія» работала. Я, въ качествѣ пріѣзжаго, на дежурства не назначался, но не разъ выходилъ на гудокъ. Организация охраны принесла много пользы: безъ нея грабители явившимся на ихъ звонокъ хозяевамъ или прислугѣ заявляли, что командированы такой-то «властью» для производства обыска; двери имъ, конечно, открывались, и они уносили то, что хотѣли; охрана провѣряла ордеръ на арестъ или обыскъ, а присутствуя при обыскѣ, препятствовала грабежу (конечно, все это въ тѣхъ случаяхъ, когда являлись обыскивать или арестовывать немногочисленные банды).

Въ знаменитую «Варлаамееву ночь» привлечено было къ фактической охранѣ все мужское населеніе, которое съ вечера вышло на улицу, не побоявшись взять съ собой припрятанное оружіе. Я жилъ у моего брата на Технологической улицѣ (въ районѣ Пушкинской), и въ томъ-же домѣ квартировали три французскихъ офицера — они тоже явились по мобилизаціи, прихвативъ съ собой, кромѣ оружія, сандвичи и красное вино. Въ сосѣднемъ кварталѣ ухитрились вооружиться даже пулеметомъ, купленнымъ въ тотъ день за 15 рублей у солдатъ одной изъ воинскихъ частей харьковскаго гарнизона. Настроеніе у «буржуазіи» было взвинченное, но не отчаянное: передъ перспективой быть по одиночкѣ перерѣзанными по домамъ укрѣпилась солидарность при дѣйствительной готовности оказать сопротивление. Если нѣкоторыя женщины нервничали, метались, дѣлали какія-то нелѣпыя приготовленія, то все же мужчины вели себя съ достоинствомъ. «Штабъ» нашего квартала попарно распредѣлилъ половину всего личнаго состава, указавъ каждой парѣ участокъ (въ саженъ 50) улицы, порученный ей бдительности, а другая половина оставлена была въ видѣ резерва въ квартальномъ сторожевомъ помѣщеніи. Не одинъ часъ мы ходили взадъ и впередъ по порученному каждому изъ насъ участку, но непріятель не показывался, напротивъ, даже замѣчалась какая-то необыкновенная тишина. Вдругъ, глубокой ночью съ противоположнаго низменнаго конца Пушкинской показываются два зловѣщихъ огненныхъ глаза автомобиля, фырканіе котораго такъ явственно доносится до насъ по длинной, но пустынной, улицѣ: «начинается» — подумали многіе. Прозвучалъ нашъ сигнальный рожокъ, черезъ нѣсколько мгновеній автомобиль доносится до нашей поперечной (Технологической) улицы; и почти всѣ изъ насъ, безъ всякой команды, устремились навстрѣчу автомобилю съ самыми воинственными намѣреніями (къ счастью, однако, никто не выстрѣлилъ)... Автомобиль принужденъ былъ остановиться. Сидящіе въ немъ вооруженные солдаты объяснили, что ѣдутъ производить арестъ, предъявивъ намъ ордеръ одной изъ «государственныхъ властей». Подлежащее аресту лицо жило не въ нашемъ кварталѣ и къ тому-же дома не находилось: мы болѣе не препятствовали, и автомобиль понесся дальше. Это было маленькое происшествіе за всю ночь. Въ качествѣ добровольца, въ 5 часовъ утра я отправился спать. Итакъ, «Варлаамеева ночь» не состоялась. Почему? Я не знаю, но можетъ быть именно потому, что угрожаемое населеніе проявило готовность защищаться.

ВЪ ПОИСКАХЪ МИРА СЪ «КАПИТАЛИСТАМИ»

Однажды во время пребывания моего въ Харьковѣ въ началѣ 1918 года въ помѣщеніи Харьковскаго отдѣленія нашего союза «Сометалль» появляется молодой человѣкъ—личный секретарь Савельева, заявляющій, что народный комиссаръ хотѣлъ-бы повидаться съ руководителями союза. Въ то время среди промышленной общест-венности еще было принято, не признавая совѣтскаго правительства, его игнори-ровать, къ нему не обращаться (хлопоты за пострадавшихъ товарищей, подобно опи-санному выше, — не въ счетъ: по такому поводу можно обратиться и къ явнымъ раз-бойникамъ), его требованій не исполнять иначе, какъ подъ угрозой насилія, и на его зовъ не являться.

— До одиннадцати утра мы обыкновенно бываемъ въ помѣщеніи союза — отвѣтили мы съ П. С. Сергѣевымъ (нашъ харьковскій уполномоченный), и молодой человѣкъ удалился. На слѣдующій-же день утромъ намъ доложили, что къ намъ желаетъ войти Савельевъ. Вотъ въ какой приблизительно формѣ велся разговоръ.

— Вы меня извините: можетъ быть вы заняты, и я вамъ помѣшалъ? — тихимъ голосомъ и застѣнчиво сказалъ средняго роста человѣкъ, умѣренная полнота кото-раго придавала мягкость и даже медлительность его движеніямъ. До октябрьскаго переворота онъ служилъ въ управленіи Главнокомандующаго по оборонѣ (П. И. Пальчинскаго) въ качествѣ, кажется, завѣдующаго статистическимъ отдѣломъ и по-добно людямъ эпохи Керенскаго бриль усы и бороду и носилъ почти военнаго об-разца однобортную съ большими карманами куртку, застегнутую на всѣ пуговицы. Эти куртки продолжали носить и послѣ переворота, измѣняя свой внѣшній обликъ: распространеннымъ среди большевиковъ выбриваніемъ волосъ въ той части головы, гдѣ она переходитъ въ шею, съ образованіемъ такимъ образомъ уступа отпущенныхъ на затылкѣ волосъ. Эта своеобразная прическа, заимствованная матросами — «кра-сой и гордостью русской революціи» — у ихъ британскихъ товарищей, потомъ была усвоена вообще большевицкимъ людомъ и принята, въ частности, и Савельевымъ.

На выраженные опасенія намъ помѣшать мы изъявили готовность его слушать.

— Я пріѣхалъ по порученію совѣта народныхъ комиссаровъ по дѣламъ тяжелой и въ особенности металлургической промышленности, т. к. каменноугольной ближе займется Б. Собственно я хотѣлъ-бы сперва познакомиться съ металлургической промышленностью, такъ какъ я знаю о ней скорѣе по статистическимъ цифрамъ, чѣмъ непосредственно, и надѣюсь, что лица, многіе годы ею руководившія, мнѣ въ этомъ помогутъ.

— Чѣмъ вы состоите въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ?

— Предсѣдателемъ вновь организованнаго высшаго совѣта народнаго хозяйства, но вѣроятно временно.

— Кто-же будетъ назначенъ въ качествѣ постояннаго предсѣдателя?

— Вѣроятно Лурье (Ларинъ*), а я можетъ-быть останусь его замѣстителемъ, впрочемъ все это неокончательно разрѣшено.

— Вы пріѣхали съ готовымъ планомъ дѣйствій? Можетъ быть, съ планомъ націо-нализации промышленности? — при этихъ словахъ Савельевъ слегка усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вопросъ о націонализациі промышленности очень сложенъ, и мы еще не приняли никакого рѣшенія. Раньше, чѣмъ на нее рѣшиться, необходимо взвѣ-

* См. Архивъ Рус. Рев. т. XIV, стр. 13.

силь всѣ обстоятельства, всѣ могущія встрѣтиться затрудненія, а для этого я прежде всего хотѣлъ-бы посоветоваться съ ея руководителями — мнѣ говорили, что въ настоящее время въ Харьковѣ съѣхались директора металлургическихъ заводовъ. Не могу-ли я съ ними переговорить? —

Подкупающему своей скромностью и учтивостью Савельеву мы отвѣтили согласіемъ, предложивъ ему пріѣхать на ближайшее изъ происходившихъ въ то время совѣщаній директороѡ заводовъ.

Всего металлургическихъ заводовъ на Югѣ Россіи 18, хотя не всѣ они были представлены, но просили разрѣшенія присутствовать также и представители угольной промышленности, почему вошедшій въ комнату засѣданій Савельевъ нашелъ десятка три лицъ — кажется, всѣ инженеры.

То-же умственное развитіе, та-же культура въ этомъ съ нѣжной организаціей человѣкъ, какъ и въ насъ, и разница лишь въ неодинаковомъ пониманіи общественнаго строя, условій общественнаго труда, нужныхъ для благоденствія родины, для преуспѣнія народнаго хозяйства. Видимой искренностью заботы о благополучіи промышленности съ почти любовнымъ къ ней отношеніемъ и неподдѣльнымъ, какъ казалось, уваженіемъ къ ея творцамъ и руководителямъ при обычныхъ для него скромности и застѣнчивости въ своей рѣчи, Савельевъ несомненно подкупалъ симпатіи присутствующихъ.

Между прочимъ, а повидимому въ этомъ была главнѣшая цѣль его обращенія, онъ указалъ на то, что промышленность создана и развивается благодаря талантамъ, знаніямъ, энергіи и труду, кои въ совокупности представляются наиболѣе полно правленіями промышленныхъ обществъ, администраціей заводовъ и ихъ техническимъ персоналомъ; вопросъ о сохраненіи или объ отчужденіи правъ собственности на заводы будетъ разрѣшенъ послѣ тщательнаго обсужденія и при томъ, какъ онъ думаетъ, націонализація можетъ быть проведена только при условіи сохраненія на мѣстахъ всѣхъ нынѣшнихъ руководителей металлургической промышленности, при чемъ онъ особенно разсчитываетъ на продолженіе дѣятельности объединяющихъ и регулирующихъ ее органовъ — «Продометы», въ качествѣ центрального торговаго аппарата для распредѣленія и «Сометалла» для руководства производствомъ.

Изъ рѣчи Савельева вытекало, какъ это и слѣдовало ожидать, что вопросъ о проведеніи или непроведеніи націонализаціи — чисто техническаго порядка, ограничивающійся лишь преимуществами той или иной формы финансированія предпріятій — правительственной или частной*, а центръ тяжести вопроса лежитъ лишь въ необходимости сохраненія одухотворяющихъ промышленность силъ: вотъ на этотъ вопросъ онъ и хотѣлъ получить отвѣтъ. Если-бы этотъ вопросъ былъ предложенъ въ мартѣ 1917 года, т. е. въ то время, когда онъ предсталъ-бы въ обнаженномъ видѣ, то несомнѣнно отвѣтъ былъ-бы опредѣленнымъ и отрицательнымъ, но въ началѣ 1918 года, когда уже былъ введенъ рабочій контроль надъ заводскимъ управленіемъ, когда хозяевами положенія безъ того уже были не владѣльцы, а рабочія массы, разлагавшія необходимый и выработанный десятилѣтіями порядокъ, разрушавшія заводы и производство и терроризировавшія администрацію, то многимъ казалось, что націонализація не только неизбежна, но что даже она внесетъ какое-то равновѣсіе въ промышленную жизнь, устранить борьбу между управленіемъ — «лакеями капиталистовъ» — и рабочими и вернетъ порядокъ, столь необходимый для производ-

* Устраненію изъ угла зрѣнія частнаго предпринимательскаго капитала, какъ одного изъ главнѣйшихъ элементовъ промышленности, способствовало то обстоятельство, что съ мобилизаціей всей промышленности для работы «на оборону» задача финансированія постройки новыхъ заводовъ и производства главнымъ образомъ легла на государство.

ства. Къ тому-же многіе думали, что все это временно, что все-равно совѣтское правительство не справится съ націонализированными заводами и что націонализація позволитъ безболѣзненно пережить смутное время и перенести промышленность въ цѣлости въ лучшія времена.

Зная, что такая психологія — общая для всѣхъ директоровъ заводовъ, я предпочелъ, не давая отвѣта на вопросъ, интересовавшій Савельева больше другихъ, сосредоточить вниманіе народнаго комиссара и другихъ присутствовавшихъ на томъ, что съ націонализаціей связано окончательное упраздненіе свободы приложенія инициативы, возбуждающей энергію борьбы за существованіе, окончательное превращеніе всѣхъ работниковъ промышленности отъ мала до велика въ чиновниковъ, хуже, въ паразитовъ государства; указавъ, что нынѣ нужно думать не объ отчужденіи предпринимательскихъ барышей, которыхъ нѣтъ, не объ устраненіи произвола эксплуататоровъ-заводчиковъ, потерявшихъ всякую распорядительную власть, а о возвращеніи рабочихъ къ труду, къ подчиненію требованіямъ администраціи безъ всякаго вмѣшательства въ ея распоряженія, и что это нужно для спасенія промышленности, какъ одного изъ важнѣйшихъ элементовъ государственнаго хозяйства.

Для насъ, промышленныхъ дѣятелей, всѣ эти соображенія не только не были новы, но скорѣе даже звучали банальностью — въ другихъ условіяхъ было-бы даже неловко высказывать такого рода прописныя истины, но на Савельева они положительно произвели впечатлѣніе, онъ обсуждалъ каждое изъ соображеній, со многими соглашался, благодарилъ за освѣщеніе дѣла и т. д., понявъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на сотрудничество надежды не велики.

Правда, послѣ меня одно лицо высказывалось въ томъ направленіи, что при создавшихся условіяхъ націонализація въ нѣкоторомъ смыслѣ даже желательна для владѣльцевъ, избавляя ихъ отъ убытковъ и администрацію отъ террора рабочихъ массъ, что инженеры, положившіе всѣ свои силы на пользу промышленности, съ нею настолько сроднились, что не оставляютъ ея и въ случаѣ измѣненія общихъ условій, лишь-бы сохранить въ цѣлости заводское оборудованіе*, но повидимому и эта болѣе гибкая психологія не воодушевляла Савельева къ націонализаціи, т. к. въ такомъ образѣ мышленія отражалось не болѣе, какъ признаніе неизбѣжности націонализаціи для переходящаго смутнаго времени.

Мы обратили вниманіе Савельева также на то, что пока народные комиссары обсуждаютъ вопросъ о націонализаціи промышленности, фактически уже началась націонализація или социализація (национализаціей называли отчужденіе въ пользу государства, а социализаціей въ пользу рабочихъ, хотя эта терминологія въ строгости не выдерживалась, тѣмъ болѣе, что въ сознаніи массъ то и другое понятіе одинаково выражало грабительское, направленное въ ихъ пользу дѣйствіе): по постановленію рабочихъ митинговъ или мѣстныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ были социализованы нѣкоторые каменноугольные рудники, а декретомъ совѣта народныхъ комиссаровъ национализированы заводы и рудники Русско-Бельгійскаго Metallургическаго Общества, при чемъ было арестовано правленіе этого общества и въ томъ числѣ французскій гражданинъ Г. Понселе, а на каменно-угольныхъ рудникахъ рабочими арестованы или убиты управляющіе и инженеры и обыкновенно сверхъ того ограблены ихъ квартиры, хотя этого вида грабежъ тоже назывался націонализаціей или социализаціей (у одного инженера на рудникѣ национализировали висѣвшую въ шкафу форменную тужурку за ненахожденіемъ другихъ предметовъ, какъ

* Это та самая психологія, которая приводила моряковъ къ службѣ большевикамъ, во имя спасенія кораблей, и сухопутныхъ офицеровъ —, во имя сохраненія арміи и ея матеріальной части.

это и было указано въ соответственномъ актѣ); независимо отъ случаевъ сепаративныхъ націонализаций и социализаций совѣтъ республики Кривдонбаса обсуждалъ вопросъ объ общей націонализации рудниковъ Донецкаго бассейна.

На сообщеніе наше о постановленіи совѣта народныхъ комиссаровъ о націонализации предпріятій Русско-Бельгійскаго Общества Савельевъ отозвался незнаніемъ, будучи, видимо, смущенъ этимъ извѣстіемъ. Самочинную націонализацию нѣкоторыхъ рудниковъ онъ опредѣленно осудилъ; о предположеніяхъ-же совѣта республики Кривдонбаса сказалъ, что онъ еще не успѣлъ войти въ сношенія съ заправилами этой новой республики, что такой принципиальный, общій для Россіи и важный по своимъ послѣдствіямъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ, конечно, только центральной властью и что онъ постарается немедленно пріостановить проведеніе всѣхъ мѣръ отчужденія промышленныхъ предпріятій у ихъ владѣльцевъ до принятія центральной властью авторитетнаго рѣшенія.

Въ то самое время, когда смиренный Савельевъ собирался уговорить необузданныхъ націонализаторовъ Кривдонбаса, засѣдавшій тогда совѣтъ республики принималъ резолюцію объ отчужденіи всей каменно-угольной промышленности, которое казалось имъ столь-же легкимъ, какъ и желательнымъ. Насколько мнѣ извѣстно, вожди республики приняли Савельева съ отмѣнной независимостью и отличнымъ пренебреженіемъ, а въ совѣтѣ республики его даже не пожелали дослушать. Ему, вѣроятно, показалось не по пути съ вождями Кривдонбаса, и онъ выѣхалъ обратно въ Петроградъ.

По поводу ареста нѣкоторыхъ дѣятелей горно-заводскаго Юга мнѣ пришлось быть у президента республики Кривдонбаса — Артема Сергѣева (Харькову положительно везло на Сергѣевыхъ, что часто вызывало путаницу: Артемъ Сергѣевъ — президентъ республики, большевикъ, Иванъ Сергѣевъ — уполномоченный по топливу, назначенный еще Временнымъ Правительствомъ, меньшевикъ и Павелъ Сергѣевъ — уполномоченный Союза металлургическихъ заводовъ, безпартійный, но очень правыхъ убѣждений: Сергѣевы во всѣхъ роляхъ и на всѣ вкусы). Бывшій рабочій, кажется, кожевеннаго завода, не случайно сталъ президентомъ; къ сожалѣнію, я уже позабылъ его *singulum vitae*, нѣкоторыя страницы котораго должны относиться къ Сибири, но помню, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе положительно недюжиннаго и недурно образованнаго человѣка. По внѣшнему виду я бы скорѣе принялъ его не за рабочаго, а за средней руки сибирскаго золотопромышленника въ дорогѣ по тайгѣ: изъ подъ разстегнутой кожаной куртки видна неподходящая къ штанамъ жилетка и перекинутый черезъ шею шнуръ отъ часовъ, на ногахъ высокіе выше колѣна сапоги съ ремешками на икрахъ; ходитъ онъ спокойно, ровно и большими шагами, хотя роста онъ малаго; говоритъ просто, но вразумительно; вытянутое съ черной бородкой клиномъ и средними усами неподвижное лицо съ большими, въ высшей степени пронизательными, заглядывающими въ душу глазами, но заглядывающими съ задѣвающимъ равнодушіемъ; когда ему надо что-нибудь прочесть, то онъ надѣваетъ на носъ и за уши очки съ такой медлительностью, какъ люди, научившіеся, недѣлями трясясь полулежа — по сибирски — въ тарантасѣ, презирать суетливость. На мой вопросъ о намѣреніяхъ совѣта республики націонализировать угольную промышленность онъ спокойно махнулъ рукой и равнодушно замѣтилъ: «болтають»... «посмотримъ» — и только!

Если у «дѣятелей» Кривдонбаса (за исключеніемъ, можетъ быть, Артема Сергѣева) не возникало никакихъ сомнѣній, самые сложные вопросы имъ казались простыми и ясными и для разрѣшенія ихъ, какъ имъ вѣроятно представлялось, нужна только воля, то осторожность и даже боязливость были характерными для

первыхъ мѣсяцевъ правленія народныхъ комиссаровъ; захватъ банковъ въ Петроградѣ былъ объясненъ необходимостью произвести контроль, въ провинціи-же банки продолжали дѣйствовать на прежнихъ основаніяхъ (въ Харьковѣ, какъ кажется, и въ другихъ городахъ, были назначены комиссары надъ банками, но они мало вмѣшивались въ дѣла), нерѣшительность въ отношеніи націонализаціи промышленности, какъ увидимъ, проявлялъ не одинъ Савельевъ, но и болѣе отвѣтственные большевицкіе руководители. Боясь, что націонализація оптомъ лишитъ заводы умѣлаго руководства, совѣтское правительство нападало въ розницу и при томъ въ мягкихъ и соблазнительныхъ формахъ: правленію общества предлагалось работать подъ контролемъ назначаемаго для сего комиссара или рабочей контрольной комиссіи или наконецъ принять въ свой составъ представителей рабочихъ. Въ случаѣ отказа правленіе арестовывалось, а предприятие «секвестровалось» или «национализировалось» (примѣнялся и тотъ, и другой терминъ при одинаковыхъ однако послѣдствіяхъ), что вѣроятно должно было склонять еще не атакованныя правленія къ большей сговорчивости. Вѣроятно, въ предвидѣніи соглашеній между правленіями однородныхъ по производству и по географическому мѣстоположенію предприятий и для большей неожиданности вылазокъ на промышленность ударъ наносился то на Югѣ Россіи, то на Уралѣ, то въ центрѣ. Первымъ на Югѣ Россіи былъ национализированъ заводъ Русско-Бельгійскаго Общества. Только много позже была декретирована общая націонализація.

Имѣлся въ виду еще другой способъ обойти руководителей промышленности, заключавшійся въ организаціи трестовъ при непремѣнномъ ихъ личномъ участіи. Проведенію такого плана въ отношеніи металлургической промышленности, съ которой и было начато, благопріятствовало, какъ казалось, то обстоятельство, что каждый изъ заводовъ представляетъ очень крупную хозяйственную единицу, а число ихъ невелико (18 на Югѣ, при 23 во всей Европейской Россіи, не включая Урала) и что при акціонерной формѣ владѣнія съ крупными, коллективными капиталами предприниматель, какъ личность, отсутствовалъ*, а руководство принадлежало наемнымъ членамъ правленія изъ числа, обыкновенно, не крупныхъ акціонеровъ. Въ качествѣ-же торговаго аппарата предполагалось использовать «Продамету». Всѣ попытки въ этомъ направленіи успѣха не имѣли, а впоследствии всѣ заводы, какъ и Продамета, были совѣтскимъ правительствомъ объявлены национализированными.

Если націонализація совѣтскимъ правительствомъ понималась, какъ принудительное и безвозмездное отчужденіе правъ собственности на заводы и рудники въ пользу государства, къ которому въ такомъ случаѣ переходило-бы и такъ называемое «организаціонное право», то рабочіе иногда видѣли въ націонализаціи, какъ и въ предшествовавшемъ ей рабочемъ контролѣ, средство личнаго и немедленнаго обогащенія за счетъ промышленнаго капитала и избавленія ихъ отъ принужденія къ работѣ и къ соблюденію порядка. Въ соотвѣтствіи съ такой «идеологіей» работы прекращались, а рабочіе приступали къ распродажѣ произведенныхъ ранѣе и находящихся въ складахъ товаровъ (особенно ясно я помню распродажу складовъ Константиновскаго Мет. Завода), запасенныхъ матеріаловъ, мелкихъ предметовъ оборудованія, домашнихъ вещей дирекціи и старшихъ служащихъ, при чемъ коляски, автомобили и пр. средства передвиженія поступали въ распоряженіе мѣстныхъ вождей или просто удалыхъ, любившихъ лихо покататься въ пьяномъ видѣ и въ женскомъ обществѣ рабочихъ.

* Съ точки зрѣнія предпринимательскаго права я допускаю неточность въ терминологіи, но это для простоты изложенія.

Весьма примѣчательно то, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ инициатива въ захватѣ предпріятій принадлежала пріѣзжимъ и рѣже мѣстнымъ энергичнымъ группамъ лицъ, увлекавшимъ за собой массы. Послѣднія-же нерѣдко проявляли столько инерціи и даже сопротивленія, что потребовалось много времени для повсемѣстнаго проведенія экспроприаціи предпріятій. Такъ, невзирая на упомянутое выше рѣшеніе Совѣта республики Кривдонбаса, южно-русскіе рудники и заводы многіе мѣсяцы оставались во владѣніи промышленниковъ. Повидимому экспроприація вовсе не отвѣчала правосознанію рабочихъ массъ и, чтобы побудить ихъ на дѣйствіе, почитавшееся ими за грабежъ, нужно было «поработать» надъ пробужденіемъ подлыхъ инстинктовъ для заглушенія голоса совѣсти и благоразумія.

Порядокъ проведенія націонализаціи и устанавливающаяся послѣ сего конструкція управленія были весьма различными въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, состава рабочихъ и руководившихъ ими органовъ, свойствъ характера лицъ администраціи и пр. Они были наиболѣе дикими и хаотическими на рудникахъ, гдѣ, вообще говоря, уровень развитія рабочихъ низокъ; на заводахъ-же наблюдалось больше планомѣрности и мягкости въ формахъ. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательно Брянское Металлургическое Общество: Александровскимъ заводомъ продолжалъ управлять Директоръ Гор. Инж. Н. Н. Гогоцкій, хотя и въ тѣсномъ единеніи съ рабочей контрольной комиссіей, въ числѣ членовъ которой были также и инженеры, а для Брянскаго завода того-же общества было организовано коалиціонное правленіе, состоявшее изъ представителей бывшаго правленія, рабочихъ и совѣтскаго правительства.

Когда промышленныя предпріятія Донецко-Криворожскаго района еще оставались въ собственности владѣльцевъ (за нѣкоторыми исключеніями), атмосфера харьковской «революціонной демократіи» уже дошла до точки кипѣнія, конкретнѣе — до точки націонализаціи. Націонализировать собирались все и вся: фабрики, гостиницы, парикмахерскія, газеты, типографіи, говорили о націонализаціи зубныхъ врачей и женщинъ, и рѣшили, какъ это ни нелѣпо, также націонализировать Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ Южной Россіи. До тѣхъ поръ довольно скромные, а съ того дня «революціонные служащіе» ввели въ комнаты Предсѣдателя Совѣта Съѣзда какихъ-то солдатъ и объявили президіумъ — Предсѣдателя Н. Ф. фонъ-Дитмара, Товарища Предсѣдателя А. И. Фенина* и управляющаго дѣлами Б. Н. Соколова — арестованными, а Совѣтъ Съѣзда со всѣми его учрежденіями и недвижимостью націонализированными. Президіумъ былъ увезенъ и помѣщенъ въ вагонъ «на седьмомъ тупикѣ», куда помѣщали по революціонной традиціи обреченныхъ на смерть**. Тѣ изъ начальниковъ отдѣловъ, что не пожелали присоединиться къ возставшимъ, были удалены, касса была захвачена, а на входныхъ дверяхъ великолѣпнаго зданія на Сумской былъ вывѣшенъ плакатъ — «Революціонный Комитетъ Служащихъ Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи».

Узнавъ объ этомъ, члены Совѣта Съѣзда, въ числѣ около 30 человекъ (всего числилось около 70), попробовали было собраться на экстренное засѣданіе Совѣта въ своемъ большомъ залѣ, но были удалены. Собравшіеся рѣшили перейти въ находившееся по близости помѣщеніе «Углесоюза» (не напоминаетъ-ли это «jeu de rommes»?) и, признавъ нелѣпостью націонализацію общественнаго органа промышлен-

* Насколько помню, А. И. Фенина въ то время тамъ не оказалось; но послѣ непродолжительнаго укрывательства онъ по собственной инициативѣ отдался въ «руки правосудія».

** Черезъ нѣкоторое время ихъ вытребовалъ къ себѣ на ст. Никитовку командующій Южной Арміей Антоновъ, а впоследствии ихъ освободили.

никовъ, выбрали вмѣсто арестованнаго новый временный составъ президіума — Предсѣдателемъ автора этихъ записокъ, Товарищемъ Предсѣдателя А. В. Мономахова и управляющимъ дѣлами М. И. Базкевича, о чемъ и было сообщено въ газеты.

Въ этомъ скорѣе сказалось «боевое» настроеніе собравшихся членовъ Совѣта, чѣмъ практичность и продуманность плана дѣйствій, а публикація въ газетахъ едва даже не стоила ареста второго (временнаго) состава президіума: за насъ вступилось по собственному почину Правленіе Профессіональнаго Союза «Металлистъ», къ которому я въ то время имѣлъ нѣкоторыя отношенія и о которомъ я буду говорить впослѣдствіи. Такъ или иначе, Совѣтъ Съѣзда продолжалъ собираться, пока не растаялъ вслѣдствіе ареста однихъ, бѣгства другихъ и скрыванія третьихъ.

Радости побѣды «Революціоннаго Комитета Служащихъ Совѣта Съѣзда» смѣнились разочарованіями. Кассовая наличность оказалась незначительной, въ банкѣ не хотѣли покрывать чековъ, подписанныхъ «Революціоннымъ Комитетомъ», желѣзными дорогами не выдавались повагонные сборы, на которые раньше содержался Совѣтъ Съѣзда съ его многочисленнымъ составомъ служащихъ, но главное, на рудникахъ и заводахъ «Революціонный Комитетъ» не получилъ признанія, и нелѣпость націонализаціи общественнаго органа промышленниковъ начала пониматься самими «революціонными служащими», но уже слишкомъ поздно, т. к. фактически личный составъ Совѣта Съѣзда къ тому времени уже успѣлъ растаять. Къ тому же какія-то другія «революціонныя организаціи» съ полнымъ пренебреженіемъ къ «правамъ» первыхъ захватчиковъ стали для себя занимать помѣщенія Совѣта Съѣзда, а въ большомъ залѣ непрерывно засѣдали какія-то толпища.

Націонализація Совѣта Съѣзда неожиданнымъ образомъ отразилась и на Профессіональномъ Союзѣ Инженеровъ Южно-Русской горно-заводской Промышленности. Канцелярія Союза Инженеровъ помѣщалась въ зданіи Совѣта Съѣзда, но съ націонализаціей послѣдняго ей также пришлось выѣхать. Въ теченіе нѣсколькихъ дней на имя Союза продолжали приносить корреспонденцію по старому адресу, которую, какъ потомъ оказалось, «революціонеры», размѣстившіеся въ канцеляріи Союза, вскрывали и выбрасывали, но среди писемъ попало извѣщеніе Азовско-Донскаго Банка о поступленіи на текущій счетъ Союза 300,000 рублей отъ члена правленія одного изъ горнопромышленныхъ обществъ — этого было достаточно для компрометаціи Союза въ отношеніи контръ-революціонности. Созданному во время революціи Союзу, который прилагательное «профессіональный» должно было поставить въ одинъ рядъ съ революціонными союзами рабочихъ и служащихъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ это и естественно инженерамъ, жившимъ въ самой гущѣ революціоннаго котла и ощущавшимъ непосредственно и лучше другихъ категорій интеллигентныхъ тружениковъ то, что несетъ революція промышленности, народному хозяйству и наконецъ всей Россіи, было не по пути съ «революціонной демократіей», и его отношеніе къ происходящему въ основныхъ чертахъ было тѣмъ-же, что у промышленниковъ, чему способствовало и то обстоятельство, что, при преобладающей на Югѣ Россіи акціонерной формѣ предпріятій, они были представлены тѣми-же инженерами. Между промышленными организаціями и Союзомъ инженеровъ, въ которомъ часто фигурировали тѣ-же самыя лица, установилось полное согласіе при взаимной поддержкѣ: инженеры стояли на стражѣ правъ предпринимателей, принимая на себя главную тяжесть сыпавшихся ударовъ, а промышленники субсидировали Союзъ и устанавливали страхованія отъ террористическихъ актовъ, фонды для лицъ заводской и рудничной администраціи, т. е. въ подавляющемъ числѣ случаевъ для инженеровъ. Субсидіи, выдаваемые Союзу, шли на поддержаніе ограбленныхъ инженеровъ, бѣжавшихъ въ города ихъ семей, на содержаніе инженеровъ, потерявшихъ

связь со своими хозяевами или бѣжавшихъ отъ преслѣдованій «революціонныхъ рабочихъ», и слѣдовательно вообще на цѣли, квалифицировавшіяся въ то время контръ-революціонными. Къ числу такихъ субсидій относились и тѣ 300,000 рублей, что были внесены на текущій счетъ Союза при посредствѣ члена правленія одного изъ промышленныхъ обществъ. О томъ, что извѣщеніе о 300,000 рублей попало въ руки «революціонеровъ», стало извѣстно при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Къ моему брату, какъ къ Товарищу Управляющаго Харьковскимъ Отдѣленіемъ Азовско-Донского банка (въ то время онъ замѣщаль Управляющаго), вошелъ въ служебный кабинетъ какой-то человѣкъ, отрекомендовавшійся «слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ» Александровскимъ и потребовавшій наложить арестъ на суммы Союза Инженеровъ. На выраженное братомъ недоумѣніе по поводу того, что накладывается арестъ на суммы, принадлежащія не занимающемуся торговыми операціями союзу, Александровскій объяснилъ, что онъ напалъ на слѣдъ контръ-революціоннаго замысла, не скрывъ и того, какимъ образомъ ему это удалось. На предупрежденіе брата о невозможности накладывать арестъ безъ письменнаго о томъ распоряженія, слѣдователь отвѣтилъ, что сейчасъ онъ очень торопится, такъ какъ его ждетъ автомобиль, въ которомъ онъ поѣдетъ арестовывать цѣлый рядъ лицъ изъ состава Союза Инженеровъ, а когда братъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы союзъ, созданный для защиты профессиональныхъ интересовъ инженеровъ, занимался политикой, то, задѣтый недоумѣніемъ, слѣдователь показалъ брату списокъ подлежащихъ аресту лицъ. Среди десятка все знакомыхъ именъ братъ увидѣлъ и мое, и, что еще лучше, и свое собственное — надо сказать, что мой братъ по образованію горный инженеръ и состоялъ секретаремъ этого самаго союза инженеровъ, о чемъ, конечно, слѣдователь не подозрѣвалъ, обратившись къ управляющему банкомъ. На этотъ разъ, не проявивъ ничѣмъ своего недоумѣнія по поводу болтливости неопытнаго «слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ», а поговоривъ еще немного съ милымъ гостемъ и вѣжливо его проводивъ, братъ позвонилъ по телефону своей женѣ, прося ее предупредить всѣхъ перечисленныхъ въ списокѣ, что было исполнено и сравнительно легко, — оставалось на свободѣ уже немного — нѣкоторые были уже арестованы другими властями и по другимъ поводамъ. По причинѣ, оставшейся намъ неизвѣстной, насъ съ братомъ не арестовали. Слѣдователь былъ у брата въ банкѣ утромъ, но я узналъ объ этомъ къ вечеру. На слѣдующее утро я отправился къ дому, гдѣ жилъ временно исполнявшій обязанности Предсѣдателя Союза Инженеровъ П. С. Сергѣевъ, имя котораго я упоминалъ уже раньше. У подъѣзда я увидѣлъ грузовикъ, на который были уже погружены нѣкоторыя вещи Павла Сергѣевича, а, выйдя на лѣстницу, я встрѣтилъ горничную, которая мнѣ объяснила, что Павелъ Сергѣевичъ вчера же бѣжалъ въ какую-то отдаленную деревню къ надежному крестьянину, что, не заставъ его, пришедшіе его арестовать люди производятъ обыскъ — вотъ почему и грузовикъ съ сундуками, коврами, подушками и пр.! Обыскъ производился еще дня 2 или 3, а Павла Сергѣевича я уже не видѣлъ больше до возвращенія моего въ Харьковъ, уже въ апрѣлѣ.

Если большевики, протягивая «капиталистамъ» пальму мира, за пазухой держали ножъ, то больше искренности было проявлено меньшевицкимъ профессиональнымъ союзомъ «Металлистъ» въ поискахъ соглашенія съ промышленниками.

Еще въ октябрѣ 1917 года «Металлистъ» предложилъ «Сометаллу» заключить коллективный договоръ, препроводивъ выработанный профессиональнымъ союзомъ текстъ, но договоръ былъ заключенъ только въ концѣ февраля 1918 года.

Русская дореволюционная юрисдикция не знала коллективных договоров, т. е. договоров, заключенных между союзами предпринимателей и профессиональными рабочими союзами, или при болѣе широкомъ опредѣленіи, между предпринимателемъ или группою предпринимателей и группою рабочихъ; не легализовало ихъ и законодательство Временнаго Правительства, но освятило ихъ новое юнѣманіе взаимоотношеній капитала и труда, вызванное развитіемъ профессиональных объединеній, а главное, быть можетъ, появленіемъ революціоннаго правосознанія, совершенно не согласнаго съ поблекшими нормами положительнаго права.

Какъ извѣстно, важнѣйшая особенность договоровъ этого рода, среди другихъ извѣстныхъ въ гражданскомъ оборотѣ, заключается въ томъ, что существенныя, вытекающія изъ договора права пріобрѣтаются не заключившими договоръ сторонами, а третьими лицами, равно какъ существенныя вытекающія изъ договора обязанности возлагаются не на стороны, а на третьихъ лицъ, въ чемъ общая черта съ договорами, служащими предметомъ изученія международнаго права, при чемъ дѣйствіе договора распространяется (по крайней мѣрѣ практически) не только на третьихъ лицъ, входящихъ въ составъ промышленныхъ и рабочихъ союзовъ, но и на внѣ ихъ стоящихъ. Устанавливая общія для цѣлой отрасли промышленности или для цѣлаго района нормы, коллективный договоръ несомнѣнно вторгается въ область публичнаго права, а договаривающіеся союзы выполняютъ, вступая въ соглашеніе, а впоследствии и въ силу соглашенія, функціи публичной власти.

Каковы были общія условія, съ которыми встрѣчались попытки насажденія коллективныхъ соглашеній въ русскую промышленную жизнь, и отношеніе къ коллективному договору, какъ къ новой формѣ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности труда и капитала, со стороны разныхъ заинтересованныхъ въ немъ группъ населенія?

Это новое правовое понятіе было импортировано въ Россію защитниками послѣдовательной борьбы пролетаріата за развитіе его правъ и его благосостоянія — меньшевистскими вождями, но какъ разъ именно въ то время, когда меньше всего могла быть понята сложная глубокая сущность этого понятія, и когда общія условія меньше всего способствовали усвоенію его промышленной жизнью.

Коллективный договоръ — мирный исходъ планомѣрной борьбы между организованнымъ трудомъ и капиталомъ. Непремѣнное слѣдствіе его заключенія — затвердѣваніе отношеній между трудомъ и капиталомъ на обусловленный срокъ. Если для фазиса борьбы характерно движеніе, то фазисъ жизни съ момента подписанія договора и за все время его дѣйствія можетъ быть опредѣленъ, какъ состояніе на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока вновь не начнется борьба. Такимъ образомъ, многолѣтняя планомѣрная борьба естественно разбивается на двухъ-фазные періоды, при чемъ фазисъ собственно борьбы и фазисъ мирной передышки попеременно смѣняются. Съ устраненіемъ одного изъ фазисовъ коллективный договоръ теряетъ всякій смыслъ: безъ предварительной планомѣрной борьбы или по крайней мѣрѣ угрозы этой борьбы коллективный договоръ не достигимъ, а безъ мира, слѣдующаго за его заключеніемъ, онъ мертворожденъ. Къ тому же непремѣнной предпосылкою договора, покоящагося на авторитетѣ сторонъ, т. е. союзовъ, должна быть организованность капитала и труда и строжайшая дисциплина элементовъ, образующихъ союзы, или иначе сказать, примѣненіе въ промышленной жизни коллективныхъ договоровъ требуетъ многолѣтне развиваемой профессиональной культуры. Для усвоенія массами глубокой сущности понятія о коллективномъ договорѣ необходимо участіе ихъ въ планомѣрно проведенномъ двухъ-фазисномъ періодѣ борьбы.

Профессиональные объединения промышленников для борьбы с рабочими совершенно отсутствовали в начале революции, но, разумеется, им было гораздо легче возникнуть и развиваться благодаря меньшему количеству участников и высшему уровню общественной культуры их представителей. Тем не менее, как указывалось выше,* союзная дисциплина оставляла желать лучшего.

В условиях внутреннего для страны мира ни промышленники, ни, что еще важнее, рабочие не ознакомились на опыте с планомерной борьбой, завершаемой заключением коллективного договора, и с проведением его в жизнь, и таким образом отсутствовало социальное воспитание в формах высокой общественной культуры. В условиях же революционной жизни с ее непрерывными «завоеваниями» естественно отсутствовали фазисы мирной передышки, и в силу этого, как уже указывалось, коллективный договор неукоснительно обрекался на мертворожденность, он становился в прямом своем назначении бессмысленным.

Говорившие о чуде превращения в течение трех дней толпы царских рабов в культурный народ, «умеренные» социалисты принялись насаждать последнее слово из книг по рабочему вопросу, бросив в толпу, в качестве нового радостного сюрприза революции, идею о коллективном договоре. После некоторого недоумения в преподнесенную толпе пустую бонбоньерку она вложила неподобные революционные конфеты — «ничего не делать и много получать».

Первые из заключенных коллективных договоров исключительно или преимущественно и заключались в уменьшениях количества работы и в увеличениях заработных плат. Особенно в этом отношении типично майское соглашение «Горнотруда» с горнопромышленниками Юга России, на которое мне уже приходилось ссылаться. В форме коллективного договора и за счет промышленников и, в конечном результате — государства меньшевистские вожди делали рабочим развращающие их подарки в целях укрепления своей популярности.

После первых опытов идея коллективного договора была массами понята — нужно ли говорить — при данных условиях превратно и тривиально и, распространившись по всей России, повсеместно вызвала раздражение.

Отношение промышленников было различно: в то время, как одни видели в соглашениях средство относительно спокойно перейти через смуту к лучшему времени, в быстрое наступление которого они ввели, другие находили, что коллективный договор — недостойная комедия, связывающая промышленников, но ничем не связывающая рабочих, имея в виду, что их вожди признаются ими в той мере, что делают за чужой счет подарки, но не предъявляют к ним никаких требований. Которое из этих двух мнений преобладало, сказать невозможно, но факт заключения большого количества договоров дает право предполагать, что во всяком случае на деле преобладала склонность промышленников идти по течению. Практика применения коллективных соглашений давала самые различные результаты: по крайней мере приходилось слышать самые противоречивые отзывы от представителей заводов того же района и той же отрасли промышленности.

В составе из членов правлений металл. обществ Советов нашего союза («Сометалль») отношение к коллективному договору было отрицательным, и вышеупомянутое октябрьское предложение «Металлиста» было оставлено без детального рассмотрения и без ответа. Напротив, в январе 1918 года на имевшем место в Харькове совещании директоров заводов я встретился с единодуш-

* См. Архив Русск. Рев. т. XIV, стр. 33, сл.

нымъ съ ихъ стороны желаніемъ приступити къ переговорамъ съ «Металлистомъ», представители котораго очень того домогались, въ то время какъ со стороны рабочихъ массъ сыпались ничѣмъ не прикрытыя угрозы. Справедливости ради долженъ отмѣтить, что когда мною были представлены телеграфныя сообщенія съ заводовъ о поведеніи требовавшихъ коллективнаго договора рабочихъ, то смущенное ими Правленіе «Металлиста» командировало своихъ сочленовъ на заводы для антитеррористической пропаганды, а выѣхавшія на мѣста лица порою дѣйствовали съ отвагою, невзирая на возмущеніе уже противъ нихъ разгорячившихся головъ.

Коллективный договоръ между «Сометалломъ» и «Металлистомъ» прямо и непосредственно затрогивалъ интересы 18 южно-русскихъ металлургическихъ заводовъ со 130,000 рабочихъ, но фактически долженъ былъ отразиться и на желѣзныхъ и марганцевыхъ рудникахъ, подавляющая часть коихъ въ рукахъ металлургическихъ обществъ съ 60,000 рабочихъ, и на каменноугольныхъ рудникахъ съ 230,000 рабочихъ, имѣя въ виду, что значительная часть добычи каменнаго угля приходилась на долю металлургическихъ обществъ, а нѣкоторые изъ заводовъ, находясь въ Донецкомъ бассейнѣ, составляли вмѣстѣ съ рудниками одно хозяйственно-административное цѣлое.

При такихъ условіяхъ интересовавшей всю горную и горно-заводскую промышленность вопросъ о коллективномъ договорѣ между «Сометалломъ» и «Металлистомъ» подвергся также обсужденію и въ Комитетѣ Совѣта Съѣзда, гдѣ также было проявлено единодушное желаніе къ приступу къ переговорамъ упомянутыми выше двумя союзами.

Изъ двукратныхъ переговоровъ по прямому телеграфному проводу съ Совѣтомъ нашего Союза въ Петроградѣ (заднимъ числомъ трудно вѣрится, что промышленники могли добиться при большевикахъ разговора по прямому проводу!) я узналъ, что и онъ, тверже другихъ стоявшій на непримиримой въ отношеніи коллективнаго договора позиціи, склонялся къ его заключенію.

Въ октябрѣ, одновременно какъ и «Сометаллу», «Металлистъ» предложилъ заключить коллективный договоръ такъ же южно-русскимъ металлообрабатывающимъ заводамъ съ 15,000 человекъ рабочихъ и тремъ «обсофазамъ» (Екатеринославскому, Харьковскому и Ростовскому обществамъ фабрикантовъ и заводчиковъ), которые приняли это приглашеніе, но, разумѣется, безъ участія «Сометалла» никакого соглашенія состояться не могло.

Такимъ образомъ, къ концу января имѣлось согласіе приступити къ переговорамъ со стороны рабочихъ, объединенныхъ «Металлистомъ», и всѣхъ предприятий, на рабочихъ коихъ «Металлистъ» распространялъ практически или теоретически свое вліяніе, при чемъ «Металлистъ» получилъ также «мандатъ» для защиты интересовъ «Союза служащихъ горно-заводской промышленности».

Переговоры начались въ большомъ залѣ еще въ то время не націонализованнаго Совѣта Съѣзда, при чемъ неожиданно для насъ явился въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ вновь назначенный комиссаромъ труда Лугановскій, до тѣхъ поръ состоявшій комиссаромъ продовольствія и нынѣ совмѣщавшій эту должность съ новой. Человѣкъ — довольно хорошаго роста, плечистый, крѣпкій, мускулистый, одѣтъ обычнымъ для революціонной эпохи образомъ, съ зачесанными назадъ волосами и бритыми усами и бородой, съ остро окаймленными, нѣсколько выпуклыми губами. Съ большимъ лбомъ скуластое, энергичное и даже съ нѣкоторой доброжелательностью лицо. Говорили, что до революціи онъ служилъ приказчикомъ въ мануфактурномъ магазинѣ, но надо отдать ему справедливость, что держалъ онъ себя съ отмѣннымъ достоинствомъ и говорилъ, какъ вполне интеллигентный чело-

вѣкъ. При ясномъ и звучномъ голосѣ и пылкости темперамента онъ видимо сдерживалъ свои жесты и рѣчь такимъ образомъ, что чувствовалась въ немъ какая-то глубокая грусть, но зато когда онъ разгорался, то его голосъ пріобрѣталъ металлическій отбѣнокъ, и судорожно сжатые кулаки тяжело опускались на столъ — онъ всегда говорилъ стоя.

Безъ всякаго съ нашей стороны согласія онъ занялъ предсѣдательское мѣсто и произнесъ рѣчь, содержанія которой я не помню.

Отъ имени представителей промышленности я заявилъ, что мы явились вести переговоры съ профессиональнымъ рабочимъ союзомъ «Металлистъ», а не съ совѣтскимъ правительствомъ, а что содѣйствіе послѣдняго для спокойнаго и нормальнаго хода нашей работы могло бы выразиться въ принятіи мѣръ противъ террористическихъ актовъ, коимъ подвергаются со стороны рабочихъ лица заводской и рудничной администраціи.

Не отвѣтивъ на наше заявленіе, Лугановскій предложилъ выдать всему составу «промышленной фракціи согласительной комиссіи» удостовѣренія въ томъ, что на время веденія переговоровъ мы не подлежимъ аресту, но отъ этого любезнаго предложенія мы отказались.

По желанію представителей «Металлиста», на слѣдующій день состоялось «частное совѣщаніе» съ ними въ одной изъ комнатъ Совѣта Съѣзда, въ теченіе котораго было рѣшено переговоры продолжить, устранивъ непрошенное руководство совѣтской власти.

Какъ разъ въ теченіе этого совѣщанія въ Совѣтъ Съѣзда явились солдаты для его націонализаціи и для ареста его президіума (см. выше), при чемъ вошедшій въ нашу комнату офицеръ съ отрядомъ солдатъ арестовалъ и всѣхъ насъ, т. е. «промышленную» и «рабочую» фракціи. Конечно, рабочая фракція была арестована по недоразумѣнію и только въ виду нахождения ея вмѣстѣ съ нами въ помѣщеніи Съѣзда, но тѣмъ не менѣе оказавшіеся на минуту въ положеніи «буржуевъ» рабочіе чрезвычайно возмутились актомъ произвола и насилія. Черезъ полъ-часа мы были освобождены, но все же «рабочая фракція» подала какой-то власти энергично составленный протестъ, не допуская въ своемъ заявленіи никакой разницы между собой и нами. Мы же, разумѣется, никакъ на арестъ не реагировали — не искать же намъ права у большевиковъ! Страннымъ можетъ показаться, но этотъ случай расположилъ къ намъ рабочихъ представителей, и съ того момента какъ-то растаялъ бывший между нами ледъ.

На слѣдующее наше засѣданіе, состоявшееся уже не въ Совѣтѣ Съѣзда, а въ Харьковскомъ «Обсофазѣ», Лугановскій уже не явился, а прислалъ какого-то ничтожнаго молодого человѣка, который съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ сообщилъ, что онъ для «информации». Когда началось засѣданіе, то онъ усѣлся на пустое предсѣдательское кресло, аккуратно записывалъ имена говорившихъ и, почувствовавъ себя такимъ образомъ предсѣдателемъ, попробовалъ было что-то сказать, но ни «промышленная», ни «рабочая» фракціи, точно сговорившись, не обратили на него никакого вниманія: онъ посидѣлъ еще немного, незамѣтно ретировался и больше не показывался. Предсѣдательское кресло оставалось не занятымъ до самаго окончанія длившихся около мѣсяца переговоровъ. Я въ первый разъ въ жизни засѣдалъ въ составѣ 15—25 человѣкъ безъ предсѣдателя, но долженъ сказать, что никогда не видѣлъ большаго цорядка, какъ въ данномъ случаѣ: разумѣется, причина не въ отсутствіи предсѣдателя, а въ дисциплинѣ, господствовавшей въ обѣихъ фракціяхъ, и въ проявляемой съ обѣихъ сторонъ крайней сдержанности. Можно особенно удивляться корректности и долготерпѣнію «рабочей» фракціи, тѣмъ болѣе, что въ

началъ нашей совмѣстной работы мы не разъ въ знакъ протеста срывали засѣданіе: причиною этому были чаще всего аресты кого-нибудь изъ членовъ «промышленной фракціи» или даже вообще кого-нибудь изъ нашей среды, тогда какъ «рабочая фракція» была рѣшительно неповинна въ этихъ арестахъ и даже напротивъ по собственному почину хлопотала объ освобожденіи задержанныхъ. Чуть было насъ не раскорилъ въ самомъ началѣ Лугановскій, давшій знать, что въ случаѣ проявленія несговорчивости съ нашей стороны, коллективный договоръ будетъ «декретированъ» (такая нелѣпость съ точки зрѣнія права!) и притомъ, конечно, въ редакціи «Металлиста», но и тутъ спасъ положеніе тактъ со стороны рабочихъ.

«Рабочая фракція» была представлена Правленіемъ Союза «Металлистъ» во главѣ съ предсѣдателемъ Г. Фаеръ, двумя юрисконсультами Союза — Г. Рубинштейномъ и Г. Трахтенбергомъ — и гастролирующими депутатами съ заводовъ. Въ работахъ нашей «согласительной комиссіи» руководство «рабочей фракціи» принадлежало пользующемуся широкой, въ особенности на югѣ Россіи, извѣстностью — Я. Л. Рубинштейну.

Богатый, съ коммерческой, какъ говорили, жилкой человѣкъ и домовладѣлецъ, присяжный повѣренный, Яковъ Львовичъ равнымъ, тайнымъ, свободнымъ и прямымъ голосованіемъ былъ избранъ предсѣдателемъ Харьковской Городской Думы по спискамъ меньшевиковъ-интернаціоналистовъ. Въ свое время меня изрядно смущало противорѣчіе между имущественнымъ и партійнымъ его положеніемъ, а его «интернаціонализмъ» меня прямо-таки коробилъ, но нынѣ я рѣдко вспоминаю съ такимъ удовольствіемъ о согласной, хотя во вражескихъ лагеряхъ, работѣ, какъ — съ Яковомъ Львовичемъ, и объясняю я завоеваніе имъ моихъ самыхъ опредѣленныхъ симпатій исключительными умственными его дарованіями, при неизмѣнной и безукоризненной корректности, ясностью пониманія отстаиваемыхъ имъ интересовъ при уваженіи къ интересамъ противника, смѣлостью и твердостью его требованій при несомнѣнномъ чувствѣ мѣры въ настойчивости. Этотъ человѣкъ навѣрное любилъ и понималъ жизнь, и это придавало ему подкупавшія окружающихъ бодрость и нѣкоторое благодущіе. Небольшого роста, упитанному, съ выпуклымъ животикомъ и круглымъ лицомъ, человѣку по своему внѣшнему облику меньше всего подходило выступать въ качествѣ защитника интересовъ неимущихъ и угнетенныхъ пролетаріевъ, но во время диспутовъ съ нимъ забывались не только его животикъ, но и образы неимущихъ и угнетенныхъ — все вниманіе сосредоточивалось только на нахожденіи общихъ интересовъ и на разграниченіи противоположныхъ.

Другой изъ юрисконсультовъ «Металлиста» — доцентъ Харьковского Коммерческаго Института Трахтенбергъ — гораздо менѣе пріятный человѣкъ. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ какой-нибудь партіи, но о немъ мнѣ говорили въ Харьковѣ, какъ о марксистѣ довольно крайняго направленія. Какъ въ индивидуальности, я въ немъ ничего интереснаго не обнаружилъ, но, мнѣ кажется, онъ достоинъ все же нѣкотораго вниманія, какъ представитель довольно распространеннаго въ Россіи типа среди еврейской марксистски настроенной интеллигенціи.

Ненависть возвышается надъ всей сущностью человѣка, ненависть, не какъ слѣдствіе, а какъ причина, ненависть, какъ источникъ наслажденія, ненависть, какъ двигатель къ развитію личности и къ дѣятельности. При остромъ умѣ и при сильной волѣ, или при одномъ изъ этихъ свойствъ, изъ этого типа людей выходили революціонные вожди или тѣ второстепенные, но доставлявшіе населенію столько страданій, комиссары, которые такъ часто представляли на мѣстахъ революціонную власть, но въ отсутствіи этихъ качествъ люди этого типа безъ яркости въ дѣянiachъ тѣмъ не менѣе всюду съ собой вносили ненависть, а слѣдовательно раздоръ и раз-

ложеніе. Къ такимъ людямъ, какъ мнѣ казалось, принадлежалъ и Трахтенбергъ, и принесъ съ собою въ согласительную комиссію злобу, онъ возстановилъ бы стороны другъ противъ друга и привелъ бы ихъ къ разрыву. Послѣ первыхъ его выступленій я указалъ на это рабочимъ, отнесшимся къ моему предостереженію съ полной доброжелательностью и, постепенно ступенькаясь, Трахтенбергъ пересталъ даже посѣщать засѣданія.

Перехожу къ рабочимъ, участвовавшимъ въ нашей «согласительной комиссіи», и перехожу съ удовольствіемъ, такъ какъ у меня сохранились о нихъ самыя пріятныя воспоминанія: среди нихъ я вижу хорошихъ, честныхъ людей, въ глубинѣ сердца которыхъ непочатые запасы любви ко всему человѣческому, искренняго стремленія къ свѣтлой правдѣ, отличающей нетронутая природы доброты, всепрощенія и доходящаго до экзальтаціи довѣрія, разъ только окажется поводъ для его зарожденія. Это не только не тѣ революціонной эпохи звѣри, отъ которыхъ столь многіе пострадали и за которыми связанные съ ними кошмарныя воспоминанія не позволяютъ многимъ видѣть подлиннаго русскаго народа такимъ, какъ онъ есть, а хорошіе люди, изъ коихъ будутъ выходить въ новой Россіи ея лучшіе граждане. И это не изъ ряда вонъ рѣдкое исключеніе: за мою жизнь я видѣлъ десятки, если не сотни тысячъ рабочихъ и немало я встрѣчалъ среди нихъ хорошихъ, честныхъ людей — отмѣчаю это въ виду того озлобленія, которое такъ часто наблюдается въ отношеніи всѣхъ рабочихъ.

Предсѣдатель Правленія «Металлиста» Фаеръ — изъ совершенно обрусѣвшей семьи прибалтійскихъ нѣмцевъ, квалифицированный рабочій Таганрогскаго металлургическаго завода, меньшевикъ, развитой и начитанный человѣкъ, тридцатилѣтняго возраста, невзирая на многократныя при царскомъ правительствѣ сидѣнія въ тюрьмѣ и на ссылку въ Сибирь, сохранилъ мягкій, почти сентиментальный характеръ. Это не фанатикъ, а доискивающийся правды человѣкъ, со склонностью проникать вглубь вопроса при чрезвычайной любознательности и безъ всякой самоувѣренности, столь свойственной «грядущему хаму» — этому распространенному въ эпоху революціи типу обнаглѣвшаго невѣжды. Со свойственной его натурѣ объективностью Фаеръ не видѣлъ въ насъ «капиталистовъ-кровопійцу», уважая въ насъ право защищать наши классовые интересы, какъ рабочіе защищаютъ свои; когда же онъ убѣдился изъ хода диспутовъ, что фактически при данныхъ условіяхъ мы даже защищаемъ интересы промышленности, а не промышленниковъ, то, признавъ въ насъ направленную къ общественному благу силу, глубоко къ намъ расположился: мы положительно этимъ приобрѣли въ его глазахъ авторитетъ и завоевали къ себѣ его довѣріе.

Фамиліи другихъ рабочихъ — дѣятелей «Металлиста», къ сожалѣнію, я большей частью позабылъ, но внѣшній обликъ и душевныя свойства нѣкоторыхъ изъ нихъ еще держатся въ моей памяти. Среди нихъ преобладали меньшевики Рубцовъ, Алферовъ, но были и другихъ партій. Особо отмѣчу анархиста-синдикалиста, привезшаго свою соціальную религію изъ С. А. Ш., гдѣ онъ долгое время работалъ. Отдѣлявшее мою mentalité отъ его религіи огромное пространство нисколько не мѣшало намъ говорить между собой на общемъ для насъ языкѣ — этотъ языкъ находился въ стремленіи къ общему благу — и я объясняю это природнымъ умомъ, широтой кругозора и глубиной развитія много видѣвшаго и много читавшаго человѣка, къ тому же поражавшаго своимъ спокойнымъ достоинствомъ и какой-то внутренней гармоніей. Изъ такихъ людей будутъ выходить хорошіе граждане новой Россіи! — Онъ — анархистъ, но общественный человѣкъ и не только потому, что синдикалистъ, а не анархистъ, а еще потому, что вся глубокая сущность этого вдумчиваго и уравновѣшеннаго человѣка рвется къ общему благу.

Кромѣ членовъ Правленія «Металлиста», порою присутствовали гастролировавшіе представители рабочихъ съ мѣстъ. Бывали толковые люди, а порою появлялся банальный революціонный стрекотунъ, засыпающій обличающими, негодующими и требующими трафаретными изъ революціоннаго лексикона словечками, и въ такихъ случаяхъ изъ «рабочей фракціи» съ улыбкой на устахъ мнѣ дѣлали знаки, чтобы я не обращалъ вниманія, а иногда даже усмиряли своего разбушевавашагося «товарища», шепча ему что-то на ухо.

«Промышленная фракція» «согласительной комиссіи» состояла изъ находившихся въ Харьковѣ членовъ правленій и директоровъ металлургическихъ заводовъ, представителей Союза металлообрабатывающихъ заводовъ, харьковскаго и екатеринославскаго обсофазовъ (обществъ фабрикантовъ и заводчиковъ), стараго президіума Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, пока онъ не былъ арестованъ, и служебнаго персонала «Сометалла». Руководство подготовительными работами «промышленной фракціи», равно какъ и оффиціальныя выступленія въ согласительной комиссіи, лежали на мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя фракціи. Среди членовъ «фракціи» царили миръ и согласіе при строгой дисциплинѣ, установленной съ общаго согласія зріскер'омъ, какъ меня звали, и все это облегчало нашъ большой трудъ, о которомъ я вспоминаю съ удовольствіемъ.

Далекій отъ желанія излагать содержаніе «коллективнаго договора» и перипетіи его выработкы въ «согласительной комиссіи» — это меня завело бы въ детали, могущія заинтересовать только специалистовъ — я остановлюсь лишь на его основныхъ характерныхъ для революціонной эпохи принципахъ, изъ за которыхъ велась борьба и притомъ велась не только въ данномъ случаѣ, но и вообще во всей странѣ, между рабочими и работодателями:

1. Право предпринимателя по своему усмотрѣнію пускать предпріятіе (или его часть) въ ходъ или его останавливать стало оспариваться рабочими, желавшими, чтобы остановка производства или всякое въ немъ измѣненіе производились не иначе, какъ съ согласія рабочихъ (профессіональнаго союза).

2. Право найма и увольненія рабочихъ, по мнѣнію ихъ, должно принадлежать не предпринимателю, а рабочимъ (профес. союзу).

3. Право предпринимателя налагать дисциплинарныя взысканія должно перейти къ профессіональному союзу.

4. Сдѣльныя работы не допускаются.

5. Поденныя платы увеличиваются, при чемъ основаніемъ для установленія ихъ размѣровъ должны служить не хозяйственныя условія, въ которыхъ находится производство, а потребности рабочихъ.

6. Поденныя платы во всѣхъ предпріятіяхъ одинаковы.

7. Однимъ и тѣмъ же фактомъ (коллективными договорами) устанавливаются отношенія между предпринимателями съ одной стороны, и рабочими и служащими, съ другой, при чемъ размѣръ жалованья устанавливался бы этимъ актомъ для всѣхъ, а не индивидуальнымъ соглашеніемъ.

Такимъ образомъ, главный ударъ былъ направленъ противъ принадлежности такъ называемаго организаціоннаго права предпринимателю (п. п. 1, 2, 3 и косвенно 7), каковое должно было быть отчуждено въ пользу профессіональныхъ союзовъ. Формально по пункту 1 организаціонное право отчуждается на половину, но фактически и по этому пункту отчужденіе было бы полнымъ, такъ какъ, разумѣется, нельзя предвидѣть такого случая, чтобы рабочіе признали нужнымъ закрыть одну изъ мастерскихъ или весь заводъ, а предприниматель, напротивъ, желалъ бы продолжать производство. Съ проведеніемъ въ жизнь п. 7, т. е. со сліяніемъ служа-

щихъ и рабочихъ въ одно цѣлое, при полномъ ихъ отмежеваніи отъ предпринимателя, аппаратъ управленія, уходя изъ подъ власти предпринимателя, попадалъ бы подъ вліяніе рабочихъ (професс. союза рабочихъ). Пунктъ 4, также нанося ущербъ организаціонному праву предпринимателя, главнымъ образомъ преслѣдовалъ уменьшеніе напряженности труда, коей сдѣльная плата, напротивъ, конечно, способствуетъ; разумѣется, этотъ пунктъ совершенно демагогическаго характера. Установленіе размѣра заработныхъ платъ на основѣ размѣра потребностей рабочихъ съ гуманитарной точки зрѣнія можетъ быть оправдано, но съ народно-хозяйственной, разумѣется, нѣтъ; къ тому же практически размѣръ потребностей рабочихъ, благодаря ихъ безбрежности, не можетъ служить основаніемъ, а по мѣрѣ развитія революціи хозяйство страны настолько распатывалось, что не могло быть рѣчи о достаточномъ удовлетвореніи даже такъ называемыхъ первыхъ потребностей.

Если большевики продолжали «углублять революцію», то меньшевики стремились «закрѣпить завоеванія революціи». Къ этой цѣли было направлено все ихъ законодательное творчество, о которомъ я писалъ въ главѣ 2, ч. 1; того же они хотѣли добиться и при помощи коллективныхъ договоровъ. Насколько, въ ожиданіи скорой реакціи, меньшевики торопились окопаться, настолько промышленники хотѣли перейти черезъ мнимо короткое смутное время, не потерявъ принципиальныхъ позицій.

Сравнительно легко идя на матеріальныя жертвы, мы согласились на увеличеніе заработныхъ платъ, не принимая, однако, выдвигаемаго рабочими принципа ихъ установленія. Слѣдуя отъ одного составленнаго «Металлистомъ» проекта коллективнаго договора къ другому мы сумѣли доказать для каждой частности въ отдѣльности, что передача предпринимателями организаціоннаго права была бы губительна для самой промышленности, въ успѣхъ которой заинтересованы рабочіе такъ же, какъ и работодатели. Оставляя управленіе за предпринимателемъ, мы соглашались на участіе профессиональнаго союза въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, что ближайшимъ образомъ касались рабочихъ. Вопросы о правѣ найма и увольненія рабочихъ, и о распространеніи дѣйствія коллективнаго договора и на служащихъ были поставлены нами ультимативно — рабочіе подчинились; мы согласились на рекомендацію проф. союзомъ кандидатовъ на вакантныя мѣста, но въ такой формѣ, что это не связывало администраціи заводовъ. Домогательства рабочихъ къ упраздненію задѣльныхъ платъ разбились о нашу аргументацію, и онѣ были сохранены, но мы согласились на установленіе размѣровъ задѣльныхъ платъ по соглашенію съ профессиональнымъ союзомъ. Равно мы согласились на выработку по соглашенію съ «рабочей фракціей» правилъ внутренняго распорядка, что благополучно и выполнили. Мы согласились также на организацію мѣстныхъ комиссій изъ представителей обѣихъ сторонъ для урегулированія всѣхъ могущихъ возникнуть разногласій и центральной — въ Харьковѣ въ качествѣ руководящей и апелляціонной инстанціи.

Такимъ образомъ, въ лицѣ профессиональнаго союза рабочій приобщился къ выработкѣ тарифовъ, правилъ внутренняго распорядка и получилъ право рекомендаціи кандидатовъ на вакантныя мѣста, т. е. рабочій уже становился не только орудіемъ, но и субъектомъ производства, участвуя въ его организаціи; правда, въ очень узкихъ предѣлахъ, мало стѣсняя свободу заводской администраціи въ отношеніи управленія предпріятіемъ, но тѣмъ не менѣе, хотя бы слабое участіе рабочаго въ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ организаціей производства, открывало возможность для профессиональнаго воспитанія рабочихъ массъ.

Промышленники были довольны заключеніемъ коллективнаго договора въ такомъ видѣ: принципиальныя позиціи, за которыя они крѣпко держались, сданы не

были и между тѣмъ крупнѣйшій профессиональный союзъ рабочихъ — «Металлистъ» — изъ вражескаго лагеря перешель въ дружескій. Дѣятели же «Металлиста» ликовали, невзирая на отсутствіе этихъ принципиальныхъ пріобрѣтеній: въ самомъ фактѣ заключенія договора заключалось признаніе объединенными металлургическими заводами профессиональнаго союза, а по содержанію договоръ отводилъ видное мѣсто союзу въ дѣлѣ урегулированія отношеній рабочихъ и администраціи каждаго изъ заводовъ. Со стороны одного представителя промышленности мнѣ пришлось слышать мнѣніе, что именно въ укрѣпленіи нами авторитета профессиональнаго союза рабочихъ и заключалось наше пораженіе и побѣда рабочихъ, ибо мы согласились собственными руками содѣйствовать организаціи нашего въ промышленной жизни врага — рабочихъ, т. е., что при стратегической побѣдѣ мы потерпѣли тактическое пораженіе, но я лично думаю, что профессиональное объединеніе рабочихъ, какъ въ то время, такъ и въ особенности въ будущемъ — фактъ неизбѣжный, и борьба съ нимъ значила бы бесполезное, почти донъ-кихотское расточеніе силъ, напротивъ, признаніе профессиональнаго объединенія и содѣйствіе руководителямъ союзовъ къ укрѣпленію авторитета послѣднихъ въ рабочей средѣ создавали бы благопріятныя для спокойной промышленной работы традиціи. Кромѣ того, я думаю, что въ контактѣ организованныхъ рабочихъ и организованныхъ промышленниковъ зарождается эмбрионъ сотрудничества классовъ въ государственномъ строительствѣ новой Россіи.

По причинѣ послѣдовавшихъ политическихъ событій практика примѣненія коллективнаго договора была очень короткой; для нѣкоторыхъ заводовъ онъ остался мертвой буквой, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ, по свидѣтельству мѣстной администраціи, онъ оказалъ умиротворяющее вліяніе. Во всякомъ случаѣ за время полуторамѣсячныхъ переговоровъ «Металлистъ» по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовалъ, а не противодѣйствовалъ заводской администраціи.

Подписавши договоръ, стороны, оставшіяся довольными другъ другомъ, дружески и даже съ нѣкоторой сердечностью распрощались. Я сейчасъ же, часовъ въ 8 вечера, прямо изъ залы засѣданія, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ «Металлиста» Фаеромъ и моимъ курьеромъ отправился на вокзалъ для слѣдованія въ Петроградъ. На вокзалѣ дѣлалось что-то невообразимое: весь каменный полъ огромнаго харьковскаго вокзала былъ занятъ тѣлами, здоровыми, больными, а можетъ быть и мертвыми — очевидно всѣ хотѣли куда-то ѣхать, но поѣзда въ то время уже ходили рѣдко и беспорядочно. Фаеръ насъ всѣхъ троихъ устроилъ въ какой-то особый и очень хорошій вагонъ (II класса спальный) съ семью купе, изъ коихъ занято было всего одно, кромѣ нашего. Утромъ нашъ вагонъ прицѣпили къ какому-то пассажирскому наполненному выше всякой мѣры поѣзду. Дальше Курска поѣздъ не шель, тамъ вся публика вышла и опять размѣстилась на полу и на платформахъ вокзала, а нашъ вагонъ, которымъ Фаеръ уже окончательно завладѣлъ, былъ прицѣпленъ по его настоянію къ какому-то товарному поѣзду «особаго назначенія», и мы довольно скоро доѣхали до Орла, причемъ въ нашемъ вагонѣ, кромѣ Фаера, моего курьера и меня, никого уже не было. Утромъ, подъѣзжая къ Орлу, мы увидѣли стоящій у платформы и готовящійся къ отбытію поѣздъ въ составѣ красавца-пассажирскаго паровоза, вагонъ-салона и платформы съ погруженнымъ на него автомобилемъ. Въ качествѣ уже владѣльца отдѣльнаго вагона, Фаеръ сумѣлъ внушить «викжельскимъ людямъ» съ красными кантами такое къ себѣ уваженіе, что нашъ вагонъ былъ немедленно прицѣпленъ къ этому поѣзду, и мы покатали со скоростью, временами доходившей до 90 верстъ въ часъ. Днемъ мы были уже въ Москвѣ. Уже передъ самымъ отходомъ мы узнали, что это поѣздъ командующаго южной арміей Анто-

нова, того самого Антонова, который наводил такой ужас на население и приводил въ трепетъ всѣхъ попадавшихся на его дорогѣ. Онъ ѣхалъ въ Москву съ докладомъ къ народнымъ комиссарамъ.

Въ нашемъ вагонѣ попрежнему мы ѣхали всего втроемъ. На удивленіе моего курьера — бывшего жандармскаго вахмистра, хорошаго, преданнаго, честнаго, благочестиваго, но совсѣмъ простаго человѣка, привязаннаго къ внѣшнему государственному порядку и считавшаго установленное дѣленіе человѣческаго общества на ступени невыблемымъ — я называлъ Фаера по имени и отчеству, разговаривалъ съ нимъ какъ съ равнымъ и съ интересомъ и не безъ любопытства, что не могло ускользнуть отъ вниманія моего курьера. Меня не только удивляли начитанность и широкій кругозоръ фразернаго токаря (Фаера), но и интересовала вся система мышленія этого человѣка, вся его душевная сущность. Отличавшее его отсутствіе банальной и упрямой предвзятости, при искренней вдумчивости, дѣйствительно дѣлало интереснымъ разговоръ пришедшихъ съ разныхъ полюсовъ общества созерцанія людей. Если въ «согласительной комиссіи» наша точка зрѣнія на промышленные и вообще народно-хозяйственные вопросы послужила завоеванію уваженія и симпатій «рабочей фракціи», то я видѣлъ, какъ въ душу Фаера западаютъ мои совершенно чуждыя его образу мышленія сужденія. Порою спохватываясь, онъ шутилъ — въ каждой шуткѣ есть доля правды, а на этотъ разъ и очень много — что если бы мы проѣхали вмѣстѣ еще нѣсколько дней, то изъ послѣдовательнаго социалиста-демократа онъ превратился бы въ человѣка съ совсѣмъ инымъ порядкомъ мыслей. Натура его гораздо глубже и развитіе его гораздо шире, чѣмъ у тѣхъ солдатъ, съ которыми я бесѣдовалъ мѣсяца два назадъ тоже въ пути изъ Харькова въ Петроградъ, а потому и установившаяся духовная связь съ нимъ оказалась несравненно прочнѣе и длителнѣе, чѣмъ со спутниками въ сѣрыхъ шинеляхъ. Въ минуту экспансивности онъ мнѣ признавался, что въ первый разъ въ его жизни онъ видитъ такъ близко человѣка той категоріи, къ которой я принадлежу, и что, если бы онъ и ему подобные знали, что среди насъ много такихъ людей, какъ я, то не было бы той розни, того раздраженія, что вызвали революцію. Не льстили моего слуха эти слова, а звучали глубокимъ укоромъ: не въ первый разъ я подумалъ о пропасти, отдѣлявшей «насъ» отъ «нихъ», о привычномъ для «насъ» третированіи «ихъ» въ качествѣ почти неодушевленныхъ предметовъ, а если бы не революція, то и сейчасъ я не разговаривалъ бы съ Фаеромъ, такъ какъ это было въ «особомъ» вагонѣ II класса, прицѣпляемомъ то къ товарному поѣзду, то къ поѣзду большевицкаго «главкома» Антонова. И раньше, и особенно, когда былъ совсѣмъ молодымъ инженеромъ, я порой разговаривалъ съ рабочими съ нѣкоторой ласковостью и иногда веселостью, но позволялъ ли я имъ становиться на одну со мной плоскость? и не боялся ли я при этомъ того, чтобы они не положили и «ноги на столъ»? А почему при измѣнившихся условіяхъ я уже этого не боялся, а Фаеръ всѣмъ своимъ поведеніемъ доказалъ, что онъ пуще всего остерегается положить «ноги на столъ» и даже больше, чтобы во мнѣ не возникло къ тому опасеній?

По приѣздѣ въ Петроградъ Фаеръ черезъ нѣсколько дней вернулся на югъ Россіи, и я уже больше никогда его не видѣлъ. Болѣе полугода спустя, когда я былъ въ Кіевѣ товарищемъ министра торговли и промышленности, профессиональный союзъ «Металлистъ» подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, крутого И. А. Кистяковскаго, арестовавшаго правленіе союза. Къ тому времени составъ правленія измѣнился, а Фаеръ почему-то былъ не въ Харьковѣ, а на Таганрогскомъ металлургическомъ заводѣ. Мнѣ передавали, что, узнавъ объ арестѣ состава Правленія, Фаеръ убѣждалъ своихъ не арестованныхъ товарищей, что

очевидно я объ этомъ не знаю, что необходимо мнѣ телеграфировать, лучше даже поѣхать ко мнѣ въ Кіевъ, и что, разумѣется, я заступлюсь: прошло болѣе полугода, а вѣра не пала, невзирая на то, что я сталъ членомъ «буржуазнаго» и непопулярнаго правительства Лизогуба.

Доѣхавъ до Москвы, мы наняли на Курскомъ вокзалѣ какого-то человѣка перенести наши чемоданы до Николаевского (извозчиковъ тамъ не было) и тамъ съ трудомъ втиснулись въ вагонъ третьяго класса отходящаго на Петроградъ поѣзда. Ъхали мы немногимъ болѣе сутокъ, но дорога была очень тяжела.

На полу во всѣхъ проходахъ, на скамьяхъ, полкахъ, столахъ, скрючившись сидѣли люди, тѣсно было настолько, что положительно нельзя было шевельнуться, отчего ноги отекали до разбуханія; къ тому же пассажиры, находившіеся на площадкѣ и на ступенькахъ, не позволяли закрывать двери — «все же немного изъ вагона на насъ тепло несетъ» — почему при сильномъ на дворѣ морозѣ морозило и въ вагонѣ, что особенно отзывалось на разбухшихъ ногахъ. Проѣхавъ Бологое, я уже пересталъ чувствовать свои ноги — они стали какъ деревянные.

Коллективный договоръ былъ въ Харьковѣ заключенъ между «Сометалломъ» и областнымъ отдѣленіемъ «Металлиста», почему онъ еще подлежалъ утвержденію Центральнымъ Всероссійскимъ Правленіемъ профессиональнаго союза, а въ соотвѣтствіи съ этимъ я также выговорилъ вступленіе договора въ силу лишь по утвержденіи его совѣтомъ нашего «Сометалла». Фактически Центральное Правленіе его даже не видѣло, а приведенный Фаеромъ къ намъ въ «Сометаллъ» предсѣдатель Центрального Правленія «Металлиста», товарищ Ивановъ, подписалъ его, не прочтя. Совѣтъ же «Сометалла», по разсмотрѣніи, его одобрилъ и утвердилъ.

Глава IV.

ВОКРУГЪ ХАОСА

Прошли всѣ положенные созерцателями революціи сроки, а большевики не только не «падали», но напротивъ все тверже чувствовали почву подъ ногами. За четырехъ-пятимѣсячное господство они успѣли широко развить начатое при Временномъ Правительствѣ дѣло разложенія стараго государства и приступить къ конституированію новыхъ органовъ публичной власти, при чемъ въ ихъ работѣ стали уже принимать участіе и многіе изъ тѣхъ, что еще такъ недавно «саботировали».

Послѣ полуторамѣсячной угарной жизни въ Харьковѣ хорошо было отдохнуть среди кладбищенской тишины Петрограда, но что тамъ дѣлать и можно ли оставаться? На первыхъ порахъ управлявшіе капиталистическимъ государствомъ большевики уже стали проводить въ жизнь коммунистическую программу, сперва оцупью и боязливо, а потомъ все рѣшительнѣе и смѣлѣе, начиная съ Петрограда и затѣмъ распространяя на всю страну. Слѣдовательно, въ перспективѣ — или сотрудничество съ большевиками, или бездѣйствіе.

Мнѣ предлагали принять участіе въ организациі взрыванія петроградскаго порта, задуманнаго французами для созданія затруденій наступающимъ на Петроградъ нѣмцамъ, но и это дѣло мнѣ не подходило: я не вѣрилъ въ возможность восстановления боеспособности арміи, а въ такомъ случаѣ уничтоженіе русскихъ цѣнностей мнѣ представлялось въ данномъ случаѣ по военнымъ соображеніямъ выгоднымъ, быть можетъ, для Франціи, но ни въ какихъ видахъ не для Россіи; между тѣмъ я не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто ставилъ «дружбу» съ французами выше интересовъ Родины.

Дѣлать въ Петроградѣ мнѣ было нечего, и я рѣшилъ выѣхать обратно на югъ Россіи, гдѣ были металлургическіе заводы, съ которыми я былъ связанъ моею дѣятельностью въ «Сометаллѣ», гдѣ находились рудники и главнѣйшіе заводы общества, въ которомъ я состоялъ членомъ Правленія. Къ тому же большевики неодобрительно относились къ моему нежеланію имъ платить налоги, а равно къ нѣкоторымъ моимъ отношеніямъ съ однимъ изъ петроградскихъ банковъ: все это вмѣстѣ взятое не обѣщало мнѣ даже тихаго житья въ Петроградѣ, а подходящей для меня работы, и тѣмъ болѣе, ждаты не приходилось. Итакъ, я рѣшилъ выѣхать изъ Петрограда, но оказалось, что это не такъ просто, ибо въ ожиданіи прихода нѣмцевъ, Совѣтское Правительство предприняло эвакуацію, и для выѣзда требовалось особое разрѣшеніе.

Комиссаромъ по эвакуаціи Петрограда былъ назначенъ предсѣдатель Центральнаго Правленія «Металлиста» тов. Ивановъ, подъ канцелярію котораго отвели часть Маріинскаго дворца (зданіе Государств. Совѣта), куда я и отправился. Войдя черезъ лѣвую съ площади дверь, я повстрѣчалъ стараго въ сѣрой дворцовой курткѣ швейцара, котораго я зналъ, бывая иногда на заутренѣ подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ дворцовой церкви. Старикъ обрадовался посѣщенію нетоварища, возвращавшаго его къ прошедшимъ временамъ. Цѣпью одинъ за другимъ, какъ живые, прошли черезъ его сознаніе тѣни минувшаго, знатные и блестящіе сановники; ушелъ онъ мыслями въ безвозвратное, замолкъ, скатилась слеза . . .

— А, впрочемъ, баринъ, пожалуйте! — взмахнулъ онъ рукой и пояснилъ — Неловко можетъ быть мнѣ, коли съ Вами увидятъ! — Поднялся я по знакомой уютной, съ какой-то интимностью лѣстницѣ во второй этажъ, долго блуждалъ тамъ, встрѣчая тысячи совѣтскихъ барышень; помню, проходилъ черезъ Екатерининскій залъ, гдѣ за овальнымъ столомъ засѣдалъ совѣтъ петроградской коммуны. Наконецъ указали мнѣ дверь въ кабинетъ товарища Иванова. Въ большой комнатѣ со стѣнами, украшенными портретами предсѣдателей Государственнаго Совѣта и въ томъ числѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, за солиднымъ и роскошнымъ письменнымъ столомъ хозяина не оказалось, и я подошелъ къ его личному секретарю, сидѣвшему за маленькимъ столикомъ въ противоположномъ концѣ комнаты. При видѣ меня молодой челоуѣкъ всталъ съ мѣста, обратившись ко мнѣ съ изысканной учтивостью и предложивъ сѣсть въ покойное кресло. Черезъ нѣкоторое время распаивается дверь, быстрыми шагами входитъ мастеровой, толстый мужчина въ пиджакъ и въ высокихъ сапогахъ — комиссаръ Ивановъ — а за нимъ толпа просителей. Онъ меня не узналъ, почему — я ему пояснилъ, зачѣмъ и куда мнѣ нужно ѣхать — отказалъ; его забрасывали просьбами десятки голосовъ, и я отошелъ въ сторону; выгнавъ всѣхъ просителей изъ комнаты, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ членъ президіума совѣта комиссаровъ петроградской коммуны, что онъ торопится на засѣданіе для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, что ему некогда, но на мое замѣчаніе, что мнѣ все-таки надо ѣхать, неожиданно взялъ перо и, что-то наскоро написавъ, протянулъ мнѣ записку. Выйдя изъ комнаты и прочитавъ записку, я убѣдился въ томъ, что онъ дѣйствительно меня не узналъ (можетъ быть, и къ лучшему), а чтобъ отъ меня отвязаться, записалъ въ беспорядкѣ и безъ смысла нѣкоторыя запавшія въ его память мои слова, приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: «Внѣ очереди! Оказать содѣйствіе по проѣзду въ Харьковъ Члену Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго согласительнаго бюро, В. А. Ауэрбаху.» То же фантастическое званіе было означено и въ самомъ разрѣшительномъ на выѣздъ свидѣтельствѣ, которымъ также предписывалось всѣмъ властямъ оказать мнѣ содѣйствіе. Такъ я и поѣхалъ въ качествѣ «Члена профессіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро» съ документомъ, составленнымъ на бланкѣ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, за

подписью самого товарища Иванова, положительно недоумѣвая, какъ это могли мнѣ выдать такую бумагу.

Я вкратцѣ опишу мое путешествіе изъ Петрограда въ Харьковъ, длившееся съ невѣроятнымъ маршрутомъ 24 дня, такъ какъ въ дорогѣ пришлось быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ событій и повстрѣчать немало личностей, если не всегда самихъ по себѣ интересныхъ, то во всякомъ случаѣ характерныхъ для того времени.

Выѣхалъ я 22 марта/4 апрѣля вмѣстѣ со своимъ секретаремъ Наркисомъ Кирилловичемъ Брицкимъ и горнымъ инженеромъ И. И. Л., управляющимъ крупнымъ каменно-угольнымъ дѣломъ въ Донецкомъ бассейнѣ. Въ то время ходилъ между Петроградомъ и Москвою вагонъ Международнаго Общества, но не по Николаевской ж. д., а черезъ Вологду, доходя окружнымъ путемъ до назначенія въ 2 сутокъ.

Въ Москвѣ нужно было вновь хлопотать о разрѣшеніи на дальнѣйшій проѣздъ, однако, съ бумажкой за подписью тов. Иванова мнѣ было это нетрудно; черезъ 2 дня я уже имѣлъ разрѣшеніе отъ мѣстныхъ «властей» и билеты. Взявъ послѣдніе на вокзалѣ, я долженъ былъ, какъ было условлено съ моими спутниками, ихъ вызвать по телефону на вокзалъ, но оказалось, что образцовая московская телефонная сѣть уже поспѣла разстроиться, никто ее не ремонтировалъ, многіе абоненты могли еще вызывать центральную, но къ нимъ уже нельзя было дозвониться. Изъ за этого мы пропустили поѣздъ, но все къ лучшему. Это былъ послѣдній, вышедшій въ Харьковъ поѣздъ. Я видѣлъ, какъ съ этимъ поѣздомъ выѣхала бойкая женщина въ сибирской папахѣ, въ сѣрой шинели и большихъ сапогахъ, съ наганомъ за кушакомъ, называвшая себя громко и съ хвастовствомъ любовницей Антонова и везшая къ нему вагонъ съ ручными гранатами, пулеметами и еще чѣмъ-то. Но на вокзалѣ говорили, что и этотъ поѣздъ дальше Курска не пошелъ. Слѣдующій поѣздъ пустили уже только до Орла: вокзальный комиссаръ объяснилъ, что на Курскъ идутъ нѣмцы и что, вѣроятно, придется дня два переждать въ Орлѣ, пока нѣмцевъ не отгонять (какъ теперь извѣстно, въ Курскѣ никогда нѣмцы не были, а дальше Орла поѣздовъ не пускали, потому что всѣ станціи были забиты беспорядочно бѣгущими подъ натискомъ германскихъ войскъ большевиками). Въ тотъ день нашъ знакомый говорилъ по телефону съ Харьковомъ, гдѣ ничего о нѣмцахъ не знали (это было, кажется, за нѣсколько часовъ до занятія его германцами, которое явилось для населенія полной неожиданностью, какъ мнѣ потомъ рассказывали). Въ связи со всѣми этими свѣдѣніями мы рѣшили, измѣнивъ маршрутъ, поѣхать черезъ Рязань, Воронежъ, чтобъ подѣхать къ Харькову съ востока.

На Рязанскомъ вокзалѣ я встрѣтилъ проводника спальнаго вагона межд. о-ва, отъ котораго узналъ, что его вагонъ долженъ былъ слѣдовать «резервомъ» въ Ростовъ для починки и слѣдовательно пустымъ. Проводникъ согласился за нѣкоторое вознагражденіе впустить насъ въ вагонъ, какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ.

Сперва дорога была почти пріятной, а на станціяхъ было сравнительно спокойно, но въ Воронежѣ уже станція оказалась переполненной солдатами, бѣжавшими съ курскаго направленія черезъ Касторную. Говорили они, что Курскъ сдавъ уже, но такъ какъ видъ у нихъ былъ сконфуженный, то мы этому не совсѣмъ довѣряли (впослѣдствіи оказалось, что мы были правы), почему обратились къ станціонному начальству: поѣзда дальше Касторной въ западномъ направленіи не шли, и мы рѣшили ѣхать до Лисокъ. Тамъ на станціи мы уже встали полный кавардакъ: всѣ пути были забиты воинскими поѣздами, кромѣ двухъ главныхъ; на вокзалѣ было тѣсно до крайности, въ буфетѣ все было начисто уничтожено, толпища солдатъ имѣли не сконфуженный, а озлобленный до ярости видъ. На одномъ изъ двухъ главныхъ путей стоялъ нашъ поѣздъ, а на другой вошелъ, остановившись передъ нами, санитарный

поѣздъ имени одной изъ Великихъ Княгинь. На стѣнкахъ вагоновъ были развѣшаны парусиновые плакаты съ надписью «Смерть буржуямъ!», а лежавшіе на койкахъ и вышедшіе на площадки больные и раненые слали намъ угрожающіе жесты и скверную брань, какъ будто это мы «буржуи» привели давившихъ ихъ нѣмцевъ.

Въ Лискахъ, какъ и на другихъ узловыхъ станціяхъ (Миллерово, Лихая и Звѣрево), поѣзда въ западномъ направленіи не шли, а станціонное начальство намъ говорило, что на двухколейныхъ линіяхъ убѣгающіе отъ «германо-гайдамацкихъ бандъ» большевики пускали поѣзда по обѣимъ колеямъ въ одномъ и томъ же направленіи. За невозможностью продвигаться на западъ, мы ѣхали тѣмъ же поѣздомъ все дальше и дальше на югъ къ Ростову. Въ Миллерово въ нашъ вагонъ вошелъ отрядъ вооруженныхъ людей подъ предводительствомъ какого-то комиссара изъ мастеровыхъ. Войдя въ наше купе, онъ строго спросилъ, съ подозрительностью насъ осматривая, откуда, куда и зачѣмъ ѣдемъ, нѣтъ ли оружія и пр., но наши отвѣты его повидимому не удовлетворили, почему онъ потребовалъ наши «документы». Увидѣвши въ заголовкѣ протянутой мною бумаги «совѣтъ народныхъ комиссаровъ», печать петроградской трудовой коммуны и прочтя мое новое и неподобное званіе Члена Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро, нашъ строгій комиссаръ досадливо замѣтилъ:

— Хуже нѣтъ такихъ документовъ! Вотъ и разбери, чи листократы, чи бѣглые каторжные?!

— Такъ кто жъ мы будемъ — листократы или бѣглые каторжные? — засмѣялись мы, а съ нами во весь ротъ и комиссаръ, строгое лицо котораго сразу превратилось въ добродушное и хорошее. Онъ махнулъ только рукой и пошелъ дальше.

Въ Новочеркасскъ мы пріѣхали вечеромъ. На путяхъ стояли поѣзда, нагруженные орудіями, пулеметами, снарядами, воинскими частями: вокзалъ имѣлъ видъ крѣпости, по ту сторону вокзала стояли орудія и пулеметы, дулами направленные на Ермаковскій спускъ, откуда ждали непріятеля — «кадетъ, калединцевъ и прочую сволочь» — городъ былъ въ рукахъ повстанцевъ. Сперва нашего поѣзда не хотѣли дальше пропускать, до производства тщательнаго обыска, но черезъ 10 минутъ неожиданно приказали немедленно отправляться, ибо поѣздъ могъ помѣшать военнымъ операціямъ на станціи.

На Дону въ борьбѣ между красными и бѣлыми казаками игралъ замѣтную роль донской артиллерійскій офицеръ Голубовъ, подъ командой коего, между прочимъ, былъ ввять Новочеркасскъ въ февралѣ 1918 года. Этого Голубова я встрѣчалъ дважды въ моей жизни. Во второй разъ, приблизительно, — въ 1912 году, когда я былъ профессоромъ Политехникума, а Голубовъ студентомъ, въ первый же разъ — въ 1906 году, на Дальнемъ Востокѣ. Выйдя въ запасъ въ чинѣ поручика казачьей конной артиллеріи, Голубовъ поступилъ сперва рабочимъ, а потомъ сдѣлался горнымъ десятникомъ каменноугольнаго рудника Удзимихэ Китайско-Восточной ж. д., гдѣ я состоялъ въ то время Начальникомъ Горнаго Отдѣла, въ вѣдѣніи котораго среди другихъ рудниковъ былъ и Удзимихэ. Помню, что Голубовъ очень дружилъ съ атаманомъ отряда хунгузовъ (китайскихъ разбойниковъ) и что онъ участвовалъ въ составленіи подложныхъ документовъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, горнымъ штейгеромъ, котораго онъ впоследствии выдалъ. Голубовъ — человѣкъ активный, боевой и вмѣстѣ съ тѣмъ примитивной, грубой организаціи.

Выйдя въ Ростовъ изъ вагона, мы рѣшительно не знали, куда дѣваться, тѣмъ болѣе, что была уже ночь. По телефону съ вокзала говорить не разрѣшали. Бродя по улицамъ, случайно увидѣли доску на дверяхъ съ наименованіемъ «Продаметы» — на полу между столами конторы мы и заночевали.

Узнавши утромъ на вокзалѣ, что поѣзда на Таганрогъ не идутъ (мы стремились все время на западъ, хотя неукоснительно продвигались все дальше и дальше на югъ), мы рѣшили ѣхать моремъ на Бердянскъ или Геническъ, а оттуда поѣздомъ или на лошадяхъ въ Харьковъ.

Въ порту ничего утѣшительнаго мы тоже не узнали. Никакихъ пароходовъ нѣтъ, а пойдетъ только паровая баржа, но въ какомъ направленіи, еще неизвѣстно, такъ какъ въ революціонномъ портовомъ комитетѣ разногласія. Въ Мариуполѣ объявилась какая-то «пятерка», претендующая на суверенное господство надъ всѣми азовскими портами, тогда какъ въ Керчи или въ Севастополѣ (сейчасъ уже не помню) какая-то «девятка» признала «пятерку» самочинной и нарушающей цѣлостность управленія «девяткою» всѣми портами Чернаго и Азовскаго морей. Часть членовъ революціоннаго портоваго комитета, увѣренная въ побѣдѣ «девятки», высокій авторитетъ которой, по ея мнѣнію, не могъ вызывать ни въ комъ сомнѣній, находила нужнымъ дать паровой баржѣ назначеніе на Мариуполь и Бердянскъ, другая же часть, проявляя больше пессимизма, опасалась, что, разъ попавши въ Мариуполь, баржа попадетъ подъ вліяніе — «пятерки» и больше ужъ не вернется, и потому предпочитала направить баржу въ Ейскъ, гдѣ никакой опасности захвата не ожидали. Таковы были оффиціальныя объясненія, но, насколько можно было понять, были и болѣе глубокія причины безпокойствъ, возникавшихъ у комитета и лежавшихъ повидимому въ томъ, что флотъ былъ социализованъ и фрахты поступали въ пользу револ.-порт. комитетовъ, состоявшихъ преимущественно изъ шкиперовъ, а при такихъ условіяхъ, разумѣется, нужно было съ чрезвычайной осмотрительностью выпускать судно изъ порта. Повидимому Ейскъ пересоціализаціей не производилъ, а потому на отправкѣ туда баржи, пожалуй, всѣ члены сошлись бы, но зато въ этотъ «свободный портъ» ходили суда со всѣхъ «несвободныхъ портовъ» и, слѣдовательно, при большой конкуренціи тамъ дѣлать было нечего. Положеніе осложнялось тѣмъ еще, что приверженцы ейскаго направленія какъ будто подозрѣвали защитниковъ маріуполь-бердянскаго курса въ томъ, что они куплены маріупольской «пятеркой», почему первые были особенно склонны къ отстаиванію своихъ «принциповъ».

Казалось, что выхода нѣтъ изъ этого чрезвычайно запутаннаго въ экономическомъ, политическомъ и психологическомъ отношеніяхъ положенія, но на третій день судовая команда насъ успокоила, заявивъ, что сегодня же рѣшеніе будетъ непременно принято, такъ какъ стоявшая на парахъ въ ожиданіи своей судьбы баржа израсходовала уже столько угля, что остатка едва хватитъ, чтобы дойти до ближайшаго порта, а въ Ростовѣ его почему-то купить нельзя (вѣроятно, не на что было, не собравши фрахта), и оказалось, что команда тонко понимала обстановку спора. Рѣшеніе было принято и притомъ баржу направили не въ Ейскъ и не въ Бердянскъ, а въ Таганрогъ; это не устраивало ни ту, ни другую части комитета, но при создавшихся послѣ трехдневнаго спора условіяхъ, когда угля уже почти не оставалось, такое рѣшеніе дѣйствительно стало единственно возможнымъ.

Всѣ три дня мы по очереди дежурили въ порту, чтобы не пропустить выхода баржи въ море. Три дня пришлось дожидаться возможности выѣхать изъ Ростова, но эти три дня нельзя считать потерянными для насъ безъ всякой пользы, такъ какъ мы видѣли то, что, быть можетъ, больше не придется увидѣть.

Вечеромъ, кажется, 13 апрѣля, послѣ того, какъ было принято рѣшеніе направить паровую баржу и когда мы шли по центральной части Садовой улицы, неожиданно началась ружейная и пулеметная стрѣльба. Намъ нужно было пройти въ Правленіе Сулинскихъ заводовъ, гдѣ нашлись походныя кровати и гдѣ намъ разрѣшили ночевать. Оно помѣщалось на Садовой за Государственнымъ банкомъ по

направленію къ Нахичевани, но дальше Государственного банка пройти было невозможно. Мы пытались обойти оказавшуюся непроходимой часть Садовой, но и смежныя улицы оказались занятыми какими-то вооруженными винтовками и пулеметами людьми. До глубокой ночи мы тщетно бродили въ поискахъ свободнаго пути къ Сулинскому Правленію, но нигдѣ не пропускали, все время трещали пулеметы и тикали ружья — въ 2 часа ночи мы принуждены были опять пойти ночевать въ «Продамету» на Никольскую. Сперва въ городѣ никто не зналъ, въ чемъ дѣло, но къ ночи мы узнали, что осаждаются милиціонные участки анархистами, въ виду предпринятаго милиціей ихъ преслѣдованія. Видѣнные нами наступающіе анархисты были большей частью въ военной формѣ и съ военнымъ снаряженіемъ. Вооруженныхъ схватокъ между отдѣльными группами «вооруженнаго народа» и при отсутствіи общепризнанной и авторитетной власти, разумѣется, было множество по всей Россіи, но этотъ эпизодъ намъ показался любопытнымъ, потому что въ немъ сказалась мощь и организованность анархистовъ при слабости или попустительности носителей «государственной власти». На улицахъ мы слышали мнѣнія, что у большевиковъ были свои счеты съ городской милиціей*, а потому и не препятствовали выступленію анархистовъ. Какими бы ни были мотивы, фактъ былъ на лицо: «государственная власть» бездѣйствовала.

Когда въ этотъ день я съ И. И. Л. былъ еще въ порту и отъ бездѣлья обходилъ стоящія у берега суда, то ко мнѣ обратился бравый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, безъ фуражки и безъ пальто въ холщевой рубашкѣ. Ѣдетъ онъ изъ Пензы въ Керчь и, дожидаясь парохода, живетъ въ матросскомъ кубрикѣ одной изъ стоящихъ въ порту баржъ. Онъ — «кадетъ», но проситъ объ томъ никому не говорить — иначе разстрѣляютъ. — Неужели могутъ разстрѣлять такого маленькаго мальчика и при томъ только за то, что онъ носитъ кадетскую форму?

— Какъ кто? я самъ видѣлъ — и онъ намъ рассказалъ, какъ разстрѣливали маленькихъ мальчиковъ только за красный околышъ, за кушакъ съ кадетской бляхой. Преслѣдованіе кадетъ было тѣмъ болѣе беспощаднымъ, что «революціонный народъ» ихъ часто смѣшивалъ съ членами партіи к.-д., а между тѣмъ ихъ было легче обнаруживать, чѣмъ послѣднихъ. У бѣднаго мальчика не было другого платья, кромѣ кадетскаго, а потому онъ и выходилъ изъ кубрика въ одной парусиновой рубашечкѣ. Теперь онъ досталъ нитокъ и черную тряпку, обтянетъ ею околышъ, споретъ петлицы, и тогда будетъ не такъ опасно. Погоны все же не выброшены, а припрятаны въ карманѣ. Отъ предложенныхъ ему денегъ онъ отказался, но согласился ѣхать съ нами въ Бердянскъ — парохода въ Керчь нѣтъ, а въ Бердянскѣ, можетъ быть, окажется, къ тому же вмѣстѣ ѣхать веселѣе. Баржа отходитъ въ 7 час. утра. Мы обѣщали за Володей зайти за полъ-часа.

На пристани мы узнали, что для выѣзда изъ Ростова нужно особое разрѣшеніе. Повели насъ въ какую-то канцелярію. Разсмотрѣвъ данный мнѣ въ Петроградѣ тов. Ивановымъ документъ, «барышня» отказалась намъ написать разрѣшеніе на томъ основаніи, что согласно документа мы ѣдемъ въ Харьковъ и, слѣдовательно, вообще намъ нечего дѣлать ни въ Таганрогѣ, ни въ Ростовѣ даже.

— Но что же намъ съ собой дѣлать, если въ Таганрогъ не пускаютъ и въ Ростовѣ оставаться нельзя?

— Поѣзжайте въ Харьковъ черезъ Звѣрево.

— Но отъ Звѣрева поѣзда на Харьковъ не идутъ!

* Она была организована Городской Управой, выбранной при Врем. Правительствѣ.

— Поѣзжайте въ Звѣрево и тамъ дожидайтесь, когда пойдутъ?! А впрочемъ обратитесь къ комиссару! —

Комиссара не оказалось, между тѣмъ утромъ баржа уходитъ. Мы уговорили барышню дать намъ бланкъ и заполнить его съ тѣмъ, чтобы мы могли его сами дать комиссару на подпись, если онъ «въ принципѣ» согласится на нашъ выѣздъ изъ Ростова. Получивъ заполненный бланкъ, мы обратились къ хранителю печатей, который, не замѣтивъ отсутствія подписи комиссара, стукнулъ по подушечкѣ, а потомъ по бланку. Комиссара мы такъ и не дождались, отсутствіе же его подписи было обнаружено уже только въ Таганрогѣ, но при наличіи круглой печати, пользовавшейся такимъ уваженіемъ «революціонной демократіи», особаго значенія этому придано не было, намъ выдали разрѣшеніе на слѣдующій этапъ и дальше мы уже получали разрѣшенія безпрепятственно.

Утромъ мы устроились на палубѣ баржи, но отошла она только въ полдень. День былъ тихій, утренній туманъ уже разсѣялся, и оставалась лишь чуть замѣтная мгла надъ морскою гладью. На кормѣ ровно и мирно постукивала машина, и баржа, почти не волнуя моря, медленно отмѣривала положенные ей четыре узла въ часъ. И небо, и море, и эта почти прозрачная мгла — все было сѣро и тихо, очень тихо. И все особенно казалось сѣро и тихо послѣ оставленныхъ на берегу злобы и вражды, стрѣльбы и крови. Мы точно растворились въ этомъ сѣромъ и тихомъ, и намъ стало какъ-то спокойно-спокойно.

Заварили мы чай, достали провизію, но Володя отказывался, отговариваясь тѣмъ, что сытъ. Съ трудомъ объяснили ему, что онъ не можетъ быть сытъ, когда мы уже больше шести часовъ на баржѣ, но, въ концѣ концовъ согласившись, онъ намъ объяснилъ, что привыкъ не ѣсть. Отецъ его — офицеръ, мать — сестра милосердія военнаго времени — пропали безъ вѣсти, а когда большевики закрыли пензенскій корпусъ, въ которомъ онъ учился, мальчикъ оказался выброшеннымъ на улицу. Имѣя ножъ и наборъ красокъ, онъ сталъ готовить игрушки, отъ продажи которыхъ не только жилъ, но прикопилъ нѣсколько десятковъ рублей для проѣзда въ Феодосію, гдѣ жилъ его дядя — табачный фабрикантъ. Извѣстій отъ дяди онъ не имѣлъ, но все же пустился въ путь. Поѣздъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, былъ уже въ 7 верстахъ отъ Харькова, но попавъ подъ огонь «германо-гайдамацкихъ бандъ», вернулся въ Воронежъ, откуда мальчикъ пробрался въ Ростовъ. У него оставалось въ карманѣ всего 11 рублей: онъ рассчитывалъ за 7 рублей доѣхать до Керчи, а оттуда пѣшкомъ пройти въ Феодосію. По его мнѣнію, ѣда совершенно необходима именно во время пѣшаго путешествія, и для этого онъ предназначалъ остальные 4 рубля. Отказываясь отъ чая, передъ этимъ онъ уже два дня ничего не ѣлъ. А какимъ онъ выглядѣлъ бравымъ и бодрымъ мальчишкой!

Въ Таганрогъ мы пришли поздно вечеромъ. Провизіи у насъ не оставалось и мы хотѣли было отправиться ужинать въ городъ, нужно было и гдѣ-нибудь переночевать, но оказалось, что ночью воспрещалось передвиженіе по улицамъ. Къ тому же мы услышали, что готовится къ отходу въ Маріуполь военный корабль-траллеръ. Пришлось остаться въ порту. Просидѣли часа два на каменной портовой набережной, а становилось очень холодно.

— Ахъ ты милый! Да ты жъ замерзнешь! Пойдемъ ко мнѣ, погрѣешься! — обратился къ Володѣ большой, плечистый человекъ съ горбатымъ носомъ, при окладистой русой бородѣ и гордой осанкѣ, придававшей ему какую-то строгость и степенность, хотя голосъ его звучалъ необыкновенной добротой. Володя за нимъ послѣдовалъ на баржу въ матросскій кубрикъ. По просьбѣ Володи старый рыбацкь-матросъ согласился и насъ принять, прося только, чтобы мы прошли не сразу, а по

одинокѣ. Далъ онъ намъ чаю, а Володю и накормилъ. Тепло и, невзирая на всю неприглядность матросскаго помѣщенія, уютно показалось намъ у старика. Долго и мирно мы съ нимъ разговаривали, просто и умно онъ обо всемъ отзывался. Съ Володей онъ обращался иронически, какъ со взрослымъ и даже спрашивалъ: «Вы офицеръ?» или «Вы женаты?». Володя сперва при такихъ вопросахъ запинался и краснѣлъ, а потомъ, инстинктивно почувствовавъ доброту старика, какъ-то сразу его полюбилъ, увидѣвъ въ его насмѣшкахъ теплую отеческую ласку.

Указавъ каждому изъ насъ мѣсто на выстроенныхъ въ три этажа нарахъ, Володѣ старикъ сказалъ: «а вы, молодой человекъ, и на табуреткѣ посидѣть можете, а коли, разоспавшись, прислониться пожелаете, то вотъ» и онъ шлепнулъ ладонью по какой-то проходящей черезъ кубрикъ стойкѣ. Володя покорно сѣлъ на табуретку, а старикъ развернулъ тюфякъ, вытащилъ изъ подъ наръ сундучокъ, брякнулъ замкомъ, досталъ простыни, сшитое изъ лоскутковъ ватное одѣяло, подушку, постелилъ и, выпрямивъ спину, приказалъ Володѣ — «ну теперь раздѣвайся!». Володя сопротивлялся, видя, что старикъ, доставъ для него лучшее, что у него было, самъ ляжетъ просто на доскахъ, но тщетно: отказомъ онъ обидѣлъ бы старика. Едва Володя скинулъ платье и сапоги, какъ старикъ взялъ его какъ ребенка на руки, бережно положилъ, прикрылъ одѣяломъ, подтыкавъ его со всѣхъ сторонъ — «а теперь спи!» — погрозилъ онъ ему пальцемъ.

Едва мы всѣ заснули, какъ какой-то мастеровой попросилъ стараго матроса разрѣшить ему тоже переночевать въ кубрикѣ. Спать ему, очевидно, не хотѣлось, и онъ затѣялъ съ нами разговоръ. Принявъ насъ въ потемкахъ за мастеровыхъ, никакъ не могъ согласиться съ нашимъ намѣреніемъ пробраться въ Бердянскъ — «говорю вамъ, ѣзжайте въ Ейскъ! — тамъ — прохвесиональный союзъ и всенепремѣнно найдете работенку въ депѣ!» — «У насъ родные въ Бердянскѣ!» — «Да тамъ нечего дѣлать: все жъ лучше въ Ейскъ ѣзжайте!»

Часовъ въ 5 утра на военномъ суднѣ стало замѣчаться движеніе и, собравшись, мы стали выходить. «Съ Богомъ! Бывайте здоровы!» пожелалъ намъ старый матросъ. «Такъ куда ѣдете? въ Бердянскъ? Все равно въ Ейскъ переберетесь, потому тамъ въ депѣ работенку найдете!» — пробормоталъ сквозь сонъ мастеровой.

«Какъ можно, вольныхъ да на военный корабль!» — не хотѣли насъ принять, но потомъ, вспомнивъ, что судно «націонализировано», впустили, предупредивъ, что кормить не будутъ, хотя бы мы нѣсколько дней пробыли въ морѣ. Провизіи у насъ не было, но не оставаться же изъ за этого. На фуражкахъ команды развѣвались георгіевскія ленты, офицеровъ не было, командный составъ выборный, причемъ командиръ, исполнявшій также и штурманскія обязанности, — изъ флотскихъ кондукторовъ.

Отшвартовались и быстро понесли въ открытое море. Оно было мелкое, а траллеръ сидѣлъ глубоко: непременно нужно было идти каналомъ. Вдругъ что-то закричѣло, изъ рубки слышно «стой!»!, «назадъ», «полнымъ ходомъ назадъ!», потомъ опять «стой!», «впередъ» и т. д., но мы все стояли на мѣстѣ и такъ стояли до вечернихъ сумерекъ, невзирая на суету на кораблѣ, разныя команды, которыхъ никто не слушалъ, перебранки, сигнализациі на берегъ, присланную помощь — маленькій безсильный портовый катерокъ и пр. и пр.

Днемъ подошелъ къ борту баркасъ, съ котораго къ намъ пересѣло нѣсколько матросовъ, восторженно привѣтствованныхъ тѣми, что уже находились на кораблѣ. Это были ихъ безъ вѣсти пропавшіе боевые товарищи. Для защиты отъ «германогайдамацкихъ бандъ» южнаго района Донецкаго бассейна былъ выдвинутъ матросскій отрядъ подъ предводительствомъ лихого большевицкаго полководца, фами-

лія котораго не помню; немного позже мы съ нимъ повстрѣчались, познакомились довольно близко, прозвавъ его Пугачевымъ. Отрядъ, численностью въ 700 человекъ, потерпѣвъ рѣшительное пораженіе, распался, причемъ оставшіеся въ живыхъ бѣжали группами и въ одиночку. И тѣ, съ которыми мы вышли въ море, и тѣ, что подошли на баркасѣ, принадлежали къ одному и тому же отряду «Пугачева», но лишь въ разное время прибыли въ Таганрогъ. Радостныя встрѣчи, перечисленіе убитыхъ товарищей, рассказы о совершенныхъ подвигахъ героизма и объ обстоятельствахъ бѣгства, все это привело матросовъ въ такой пьяный экстазъ, что со стороны было ясно, что съ мели мы снимемся нескоро, и тѣмъ болѣе, что море продолжало спадать, и мы сидѣли въ мели уже тремя футами и при томъ кормой, поломавши при неумѣломъ маневрированіи винтъ. Мы попросили, чтобы насъ отправили на берегъ: часть матросовъ встрѣтила нашу просьбу недоброжелательно и почти грубо, другая же, изъ вновь прибывшихъ матросовъ, повидимому впервые насъ замѣтивъ и возмутившись тому, что мы могли оказаться на военномъ кораблѣ, распорядилась насъ немедленно высадить, и мы опять оказались на каменной набережной Таганрогскаго порта.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ пошелъ узнавать, не отходить ли какое нибудь судно, а я — поискать провизіи, т. к. сутки прошли, какъ мы ничего не ѣли. Нигдѣ нѣтъ хлѣба, ни провизіи. Подошелъ къ стоявшему на портовомъ пути воинскому поѣзду — то прибыла отступающая большевицкая артиллерія. Въ одномъ изъ вагоновъ бородатый рослый солдатъ убираетъ лошадей.

— Землякъ, гдѣ бы тутъ хлѣба достать?

— Надо идтить въ городъ: тутъ нигдѣ не найдешь: Да и то — бишь сейчасъ лавки уже позаперты. А ты давно не ѣлъ?

— Со вчерашняго дня.

— Ну погоди! — и солдатъ полѣзъ за какимъ-то сверткомъ. Я предвкушалъ удовольствіе купить «солдатскаго (почему-то) чернаго хлѣба», но постигло двойное разочарованіе: Онъ досталъ изъ тряпки ломоть сухого пшеничнаго хлѣба — «вотъ все, что у меня есть» — и ни за что не захотѣлъ брать съ меня платы — «что ты родимый, нешто я его купилъ!» Чтобы не обидѣть добраго человѣка, я откусилъ, хотя съ трудомъ, кусокъ замерзшаго хлѣба, а «остальное» сказалъ «отнесу своимъ». — «Бывай здоровъ!» Но «мои» не захотѣли ѣсть: слишкомъ чувствовалось, что онъ лежалъ среди конскаго навоза.

Вечеромъ долженъ былъ отойти, еще неизвѣстно куда, минный заградитель передѣланный изъ плоскодоннаго, колеснаго пассажирскаго парохода: мы рѣшили съ нимъ ѣхать. Въ каютъ-кампаніи, приспособленной для помѣщенія минъ, были убраны койки и мебель. Кромѣ того, были двѣ каюты, изъ которыхъ одна тоже совсѣмъ пустая, а въ другой была койка, короткій диванчикъ и столъ. Для заболѣвшаго нашего спутника — И. И. Л. — мы сумѣли выговорить эту каюту; онъ улегся, а мы отправились въ городъ, конечно, пѣшкомъ.

Въ городѣ было сравнительно тихо. Я разговаривалъ по телефону съ директоромъ Таганрогскаго металлургическаго завода, что въ 7 верстахъ отъ города, зашелъ къ одному родственнику, который тоже говорилъ, что въ городѣ относительно тихо, отправился въ ресторанъ лучшей гостиницы вмѣстѣ съ Н. К. Брицкимъ и Володей, а потомъ и въ кафе, гдѣ, между прочимъ, видѣли любопытную пару, пьющую за столикомъ кофе: молодую съ округленными формами женщину въ сѣрой солдатской рубахѣ, такихъ же брюкахъ, высокихъ сапогахъ, сибирской папахѣ, стянутую въ поясѣ кожанымъ ремнемъ и черезъ плечи пулеметными лентами, и съ ней такъ же одѣтаго и такъ же снаряженнаго мальчугана лѣтъ двѣнадцати; у обоихъ въ рукахъ винтовки съ повернутыми штыками.

Гостиница была реквизирована подъ 7 эвакуированныхъ изъ разныхъ городовъ и съѣхавшихся въ Таганрогъ совдеповъ: всюду пили и ѣли въ изобиліи и бойко стукали на пишущихъ машинкахъ.

По возвращеніи на пароходъ, узнавъ, что онъ скоро отходить въ Ейскъ*, мы усѣлись въ рубкѣ за столъ на узкій диванчикъ, прикрѣпленный къ стѣнкѣ. Въ рубкѣ уже находилось нѣсколько другихъ пассажировъ.

Черезъ нѣкоторое время входитъ въ рубку матросъ, а за нимъ десятокъ его товарищей, съ шумомъ поставивъ къ ногамъ винтовки.

— Миръ честной компаніи — шаркнувъ каблуками, снявши фуражку съ георгиевскими лентами и наклонивши голову, сказалъ коренастый, средняго роста, крѣпкій, здоровый, съ сангвиничнымъ и грубымъ лицомъ, усатый брюнетъ. На груди его висѣло четыре георгиевскихъ креста и боцманская дудка.

— Позвольте представиться: бѣглый каторжный и георгиевскій кавалеръ, одинъ изъ зачинщиковъ бунта на Потемкинѣ, бѣжалъ въ Румынію; черезъ два года, не вынеся жизни на чужбинѣ, вернулся въ Россію, отдавшись въ руки царскаго правительства, Высочайше былъ помилованъ съ замѣною смертной казни каторжными работами на 20 лѣтъ, бѣжалъ изъ каторги, но пойманъ, съ объявленіемъ войны, припадая къ стопамъ Его Императорскаго Величества, молилъ дать мнѣ возможность пролить мою кровь за родину, за боевыя отличія получилъ георгиевскіе кресты всѣхъ четырехъ степеней, а про теперешнія мои дѣла еще рано рассказывать, прошу любить и жаловать! — Это и былъ Пугачевъ. По его командѣ матросы оставили въ углу винтовки и вышли изъ рубки, съ нимъ же остался только его помощникъ — тоже съ георгиевскими крестами на груди, и женщина въ косынкѣ, восторженно слѣдившая глазами за каждымъ его движеніемъ.

«Что вы замолкли? Пожалуйста, меня не стѣсняйтесь и разговаривайте» — обратился «Пугачевъ» къ пассажирамъ, все время, однако, переводя глаза съ одного на другого, а когда замѣчалъ, что пассажиры начинаютъ обмѣниваться фразами, то жаждя стать опять центромъ вниманія, начиналъ громко рассказывать своему помощнику и женщинѣ про свои подвиги во время службы, какъ монархіи, такъ и анархіи. Володя принесъ намъ чайникъ съ кипяткомъ, мы принялись пить чай, но сахара у насъ не оказалось. Хлопнулъ въ ладони «Пугачевъ» и выросшему, какъ изъ земли, матросу приказалъ достать на берегу сахару. Едва прошло 3—4 минуты, какъ вернувшійся матросъ высыпалъ на столъ больше фунта бѣлаго пиленого рафинада, а подошедшій къ столу «Пугачевъ», будто защищая его отъ нашихъ нападеній, зло усмѣхнулся. — Ни, ни — не трогать! теперь мы будемъ съ сахаромъ, а вы пейте въ холостую! — Выпивши чаю «въ холостую», мы потянулись за портъ-сигарами, но они оказались пусты. Опять хлопокъ въ ладоши, и на столѣ появляются коробки съ дорогими папиросами. Взявъ одну, онъ какъ будто нечаянно роняетъ на полъ, а, закуривъ другую, замѣчаетъ: «ужъ какъ небось покурить хочется!» Невдалекѣ отъ меня лежала деревянная картонка, въ которой я надѣялся найти папиросы. Потянувшись за ней, я какъ то неловко ее взялъ, картонка упала на полъ, все содержимое высыпалось. Мой спутникъ, подбѣжавъ, положилъ на столъ бумажный свертокъ и потомъ принялся укладывать вещи обратно въ картонку, а «Пугачевъ», схвативъ свертокъ и увидѣвъ тамъ штемпеля и круглыя печати Союза Металлургическихъ Заводовъ, вызвалъ своихъ матросовъ и объявилъ насъ арестованными. — Вчера тоже такъ одинъ молодчикъ обронилъ изъ кармана бумагу, нагнулся

* Переѣзжая черезъ Азовское море въ Ейскъ, мы удалялись отъ нашей дѣли, но мы надѣялись, какъ на счастливую случайность, найти тамъ судно на Бердянскъ или Мариуполь.

ее поднять, но я — быстрее его, схватилъ и вижу — карта Россіи (не изъ путеводителя ли?) — очевидно шпионъ, приказалъ ребятамъ вывести въ расходъ.

Испытующе посмотрѣлъ на меня и на пассажировъ: они отзывались одобрительно, довольные тѣмъ, что въ моемъ лицѣ уже найденъ громоотводъ для «пугачевского» сумасбродства и, слѣдовательно, отведена съ ихъ головъ грозившая имъ опасность, а въ глазахъ женщины — его спутницы — сіяетъ восторгъ.

— По какому праву у васъ могутъ быть печати, да еще круглыя?! Таковыя могутъ быть только у представителей совѣтской власти! Вы навѣрное не понимаете, какая это важная вещь, вы не знаете, какое я придаю значеніе печатямъ и какова ваша отвѣтственность?! — Про себя: — Что-то подозрительно! Да еще въ пути имѣеть съ собой печати! — Опять ко мнѣ: — Вы имѣете документы, дающіе вамъ право хранить печати?

— Нѣтъ.

— А кто вы такой?

Я молча протянулъ бумагу тов. Иванова; онъ долго ее разсматриваетъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, сличаетъ мое неподобное званіе съ текстомъ печатей, къ счастью прочесть не можетъ гравированныхъ наизнанку словъ, и такъ какъ въ это время нашъ пароходъ уже отошелъ отъ берега, то «Пугачевъ» объявляетъ дознаніе прерваннымъ впредь «до установленія личности» по прибытіи въ портъ.

Вѣроятно, все это было главнымъ образомъ театральностью для позированія передъ публикой и передъ его экзальтированной поклонницей, но въ этой шуткѣ могла оказаться и маленькая доля правды.

По прибытіи въ Ейскъ «Пугачевъ» съ его компаніей получилъ какія-то свѣдѣнія; они сдѣлались совсѣмъ тихими и на насъ вниманія уже не обращали. Мы узнали, что черезъ нѣсколько часовъ нашъ «минный заградитель» отправляется въ Маріуполь, что насъ очень устраивало. Въ Ейскѣ было тихо, но мы слышали какіе-то смутные разговоры о приближеніи добровольцевъ. Закупивъ на базарѣ въ изобиліи прекраснаго бѣлаго хлѣба, яицъ, птицы, ветчины и пр., мы все это на извозчикѣ свезли на пароходъ.

Рано утромъ я вышелъ на палубу, какъ разъ въ то время, когда кубанскій берегъ Азовскаго моря уже окончательно скрылся, а донской еще не показывался. Судно мѣрно и плавно покачивалось на плоскихъ и широкихъ волнахъ. Ночью прикрывавшій море, какъ пуховымъ одѣяломъ, туманъ освѣщался задорно-веселыми лучами едва показавшаго свою макушку солнца. Надъ моремъ тихо, тихо и на суднѣ, но солнышко разбудить, начнется новый день, а можетъ быть и новая жизнь. Лучше или хуже она старой? Но гдѣ-то тамъ, еще далеко — будетъ новая жизнь.

«Пугачевъ» и его матросы держали себя незамѣтно, а при подходѣ къ берегу они даже совсѣмъ исчезли изъ виду. Во время высадки, узнавая ихъ по лицамъ, мы ихъ видѣли уже въ штатскомъ платьи, а оружіе ихъ повидимому было куда-то припрятано. Въ городѣ было совсѣмъ тихо, чинно и даже не попадалось «революціонныхъ» автомобилей. Потомъ мы узнали, что въ Маріуполѣ дня за три до нашего пріѣзда произошелъ мѣстный анти-большевицкій переворотъ. Произведенъ онъ былъ «фронтвиками» (вернувшимися съ фронта солдатами), вызванными къ этому жестокостями, грабежами и разгулами мѣстнаго большевицкаго комиссара, но произошелъ онъ совершенно неожиданно, какъ для побѣжденных, такъ и для побѣдителей. Вотъ какъ намъ объ этомъ рассказывали: въ то время, какъ въ циркѣ происходилъ митингъ, во дворѣ, окружавшемъ циркъ, находились «для порядка» въ разныхъ пунктахъ до 30 большевицкихъ солдатъ; по какому поводу не помню,

одинъ изъ нихъ набросился на офицера-фронтвика, офицеръ выхватилъ у солдата винтовку, другіе четыре солдата попробовали стрѣлять, но нѣсколько солдатъ-фронтвиковъ отняли винтовки и у нихъ; имѣя же въ рукахъ 5 винтовокъ, послѣ кратковременной перестрѣлки, они обезоружили остальныхъ 25 большевиковъ, а выпуская съ митинга публику, отобрали и припрятанное у нея оружіе; черезъ полчаса въ рукахъ фронтвиковъ оказался уже пулеметъ, къ вечеру въ ихъ власти находился уже весь городъ, при чемъ ненавистные тираны были арестованы, впрочемъ, за исключеніемъ главнаго изъ нихъ, который успѣлъ бѣжать.

Но что же дальше? Благодарное фронтвикамъ населеніе признало за ними всю полноту власти, но они сами не знали, что съ ней дѣлать. Я какъ то былъ на собраніи гражданъ мужского пола, созванномъ фронтвиками въ томъ же циркѣ, и вынесъ впечатлѣніе въ совершенно обывательскомъ характерѣ этого возстанія: вся его идея заключалась въ устраненіи безчинствовавшихъ и беспокоившихъ комиссаровъ, но не имѣла абсолютно ничего творческаго. Дѣйствительно, вслѣдъ за переворотомъ въ городѣ установился внѣшній порядокъ, тишина и благопристойность, но сами побѣдители терзались вопросомъ — а что же дальше? — и не находя отвѣта, готовы были сдать власть каждому, кто сумѣлъ бы на него отвѣтить. Такъ они и поступили и даже забѣжавъ впередъ: услышавъ о продвиженіи австрійскихъ войскъ по Второй Екатерининской жел.-дор. линіи, они отправили къ нимъ на десятый день послѣ своей побѣды надъ большевиками депутацію съ предложеніемъ принять городъ подъ свое покровительство, на что, однако, австрійцы согласились лишь нѣсколько дней спустя.

За маріупольскими фронтвиками должно зачислить еще одну заслугу передъ населеніемъ города, но въ ней сказалась не больше какъ готовность къ самозащитѣ.

Въ Маріуполѣ мы прожили цѣлую недѣлю, помѣщаясь у нашихъ знакомыхъ въ ихъ просторномъ особнякѣ, стоящемъ на краю господствовавшей надъ портомъ и открытымъ моремъ возвышенности. 24 апрѣля, проснувшись и отдернувши занавѣску выходившаго на море окна, я увидѣлъ какое-то странное окружавшее Маріуполь кольцо: то были суда эскадры извѣстной въ то время на югѣ Россіи своими жестокостями анархистки Маруси Никифоровой. Давно уже передавались рассказы о чудесныхъ подвигахъ вышедшей изъ сельскихъ учительницъ анархистки и садистки, но это было новостью: Маруся во главѣ пиратской эскадры осаждаеть Маріуполь, требуя внесенія до вечерней зари 6-ти милліонной контрибуціи подъ страхомъ снесенія города съ лица земли. Собраніе гражданъ постановило удовлетворить ея требованіе, прося лишь срока для сбора столь большой для города суммы, фронтвики же въ видѣ компенсаціи за терпѣливое ожиданіе предложили снабдить эскадру углемъ и продовольствіемъ. Предложеніе было принято адмираломъ въ юбки и первымъ подошелъ къ берегу флагманскій корабль. Едва были сброшены концы и спущенъ трапъ, какъ фронтвики потребовали сдачи. подъ страхомъ разстрѣла корабля, изъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи шестидюймовыхъ орудій. Всѣмъ обезпечивалось сохраненіе жизни . . . и Маруся со своимъ штабомъ сдалась безъ выстрѣла. Мы видѣли, какъ ихъ вели изъ порта въ городъ. Что съ ней дальше стало, я не знаю, такъ какъ въ тотъ же день мы выѣхали изъ Маріуполя.

Судовъ, отходящихъ въ Бердянскъ, не было, движеніе по желѣзной дорогѣ совсѣмъ остановилось, почему мы рѣшили ѣхать по направленію къ Екатеринославу на лошадахъ, прилично зная мѣстность и напередъ составивъ примѣрный маршрутъ; но новое затрудненіе — никто не захотѣлъ насъ везти. Наконецъ, найдя на базарѣ пріѣхавшаго изъ колоніи грека-крестьянина, уговорили его взять насъ съ собою. Оставивъ въ Маріуполѣ у нашихъ знакомыхъ Володю, деньги и наши че-

моданы, мы усѣлись втроемъ — четвертый возница — на плохенькую линейку, и не менѣе плохенькая лошадка насъ потянула, преимущественно шагомъ, по уваламъ и степямъ Екатеринославской губерніи.

Мы проѣзжали черезъ греческія, нѣмецкія и еврейскія земледѣльческія колоніи и русскія села, преимущественно въ двуконныхъ фурахъ. Отъ зари до зари продвигались на 100 верстъ, а порою тряслись и ночью.

Съ утра покрытые росой зеленые всходы выпрямляются подъ весенними лучами солнца, какъ будто съ гордымъ сознаниемъ творимаго ими важнаго дѣла — они хлѣбъ дадутъ человѣчеству — молодыя, нетронутыя, какъ улыбка ребенка, почки распускаются, говоря — смотрите на насъ и радуйтесь нашей свѣжести и чистотѣ, радуйтесь солнцу, міръ озаряющему, хвалите творца природы совершенной, славьте Бога, миръ міру давшего . . .

— А это что за канава и насыпи свѣжей земли?

— То наши греки защищали колонію отъ большевиковъ. Дважды отбили, такъ въ колонію и не пустили.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, грекъ продолжаетъ, объѣзжая три или четыре уже оплывшихъ земляныхъ кучки:

— Тутъ нѣмцы-колонисты поймали и убили комиссаровъ-конокрадовъ, тутъ же и схоронили.

Далеко слышна канонада: то — между Розовкой и Волновахой австрійцы, не неся урона, укладываютъ на зеленые всходы тысячу пятьсотъ тѣлъ храбро и бессмысленно шедшихъ на смерть матросовъ и рабочихъ, защищавшихъ подступы къ Донецкому бассейну.

Вотъ изъ оврага волками на насъ смотрятъ какихъ-то два оборванныхъ босыхъ человѣка. Вотъ на той дорогѣ кучка австрійцевъ-военнопленныхъ пробирается къ своимъ.

Подхлестываетъ грекъ лошаденку: «Какъ бы плохо не было! смотрите!» — на горизонтѣ видна колымага съ десяткомъ какихъ то людей . . .

Подъ высоко стоящимъ солнцемъ весело стрекочутъ не знающія вражды и войны птицы, радуясь свѣту, радуясь жизни. Переѣзжая при станціи Розовой Вторую Екатерининскую линію, мы повстрѣчали австрійскія войска. Мрачный у нихъ видъ — хорошо ли, что такъ глубоко зашли? — недалеко на востокъ къ Волновахѣ бой съ большевиками.

Въ Розовой мы хотѣли переночевать. Люди, боясь другъ друга, не хотѣли къ себѣ впускать какихъ-то странныхъ, не въ пору путешествующихъ. Однако, нашелся старикъ-еврей, знавшій еще въ шестидесятыхъ годахъ моего отца, когда онъ строилъ первый на югѣ Россіи большой, принадлежавшій «Французской компаніи» рудникъ въ Кураховкѣ.

Слѣдующую ночь мы провели въ Гуляй-Полѣ — въ столицѣ анархиста и разбойника Махно. Поздно вечеромъ, уже почти въ центрѣ этого большого, похожаго на городъ по своему устройству села насъ встрѣчаетъ недоумѣнными вопросами патруль вполнѣ «буржуазнаго» вида въ фетровыхъ шляпахъ и касторовыхъ пальто — откуда? что за фантазія путешествовать въ такомъ хаосѣ и въ такое время, когда всѣ воюють, хотя толкомъ даже никто не знаетъ противъ кого, съ кѣмъ и за что? какъ могли насъ пропустить окружавшіе село махновцы? какъ насъ не задержала обывательская стража? — Патруль проводилъ насъ тѣмъ не менѣе въ лучшую гостиницу, гдѣ мы прекрасно поужинали и выспались.

Гуляй-Поле, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги и занятое главными силами Махно, было нарочито обойдено австрійцами. Махно же,

въ своихъ разчетахъ не допускавшій этого, при первомъ появленіи австрійскихъ войскъ на станціи, спѣшно вышелъ со своими соратниками изъ села, побросавъ въ немъ много военнаго имущества, въ томъ числѣ и нѣсколько орудій. Предоставленное само себѣ населеніе зажиточнаго торговаго села образовало милицію для поддержанія внутренняго порядка и для отраженія возможныхъ натисковъ со стороны Махно, пославъ вмѣстѣ съ тѣмъ гонцовъ къ австрійцамъ, прося помощи, но австрійцы не торопились, а Махно почему-то и что-то выжидалъ. Храбрые обыватели полагали, что Махно боится ихъ пушекъ, но судя по тому, что мы свободно проникли въ село и безпрепятственно выѣхали изъ него на слѣдующее утро, получивъ письменные пропуска, какъ отъ обывательскаго комитета, такъ равно на окраинѣ села, куда ходилъ для этого мой спутникъ Наркисъ Кирилловичъ, и изъ «штаба» Махно, — позволительно думать, что причины были какія-то иныя.

Поздно вечеромъ 27-го апрѣля, поднявшись на водораздѣлѣ, мы увидѣли вдали залитую электрическимъ свѣтомъ станцію Синельниково, откуда оставалось до Екатеринослава уже только всего 50 верстъ.

Едва мы вошли въ вокзалъ, какъ намъ бросился въ глаза плакатъ — «Bahnhofs-kommandant» — прошли по широкому коридору въ буфетъ — нигдѣ ни одного представителя «революціонной демократіи», нѣтъ толпищъ, ожидающихъ поѣзда, мирно сидятъ кое-гдѣ за покрытыми салфетками столами пассажиры и нѣсколько германскихъ унтеръ-офицеровъ; — вышли на платформу — тамъ мѣрно шагаютъ въ шлемахъ и съ винтовками въ рукахъ мрачные часовые ...

Вотъ онѣ — «германо-гайдамацкія банды!»